

Брэм Стокер

ДРАКУЛА

Брэм Стокер

Дракула

«Седьмая книга»

1897

Стокер Б.

Дракула / Б. Стокер — «Седьмая книга», 1897

Лишь тот, кто познал ужас ночи, может понять сладость наступления утра. Конец XIX века, Лондон. Молодой юрист Джонатан Харкер и красавица Мина любят друг друга. Джонатан на время вынужден оставить невесту одну и отправиться по делам в Трансильванию к графу Дракуле, желающему приобрести недвижимость в столице Англии. Но Джонатан не знает, кто такой Дракула на самом деле... Мрачный и потрясающий роман, давно уже ставший культовой классикой готической вампирской темы. Роман имеет мало общего с любой из его экранизаций, но продолжает затягивать новых читателей в мрачные бездны человеческих страстей.

© Стокер Б., 1897

© Седьмая книга, 1897

Содержание

Глава 1	5
Путевой журнал Джонатана Харкера (стенография)	5
Глава 2	13
Путевой журнал Джонатана Харкера (продолжение)	13
Глава 3	21
Путевой журнал Джонатана Харкера (продолжение)	21
Глава 4	29
Путевой журнал Джонатана Харкера (продолжение)	29
Глава 5	37
Письмо мисс Мины Мюррей к мисс Люси Вестенра	37
Письмо Люси Вестенра Мине Мюррей	38
Письмо Люси Вестенра Мине Мюррей	39
Дневник доктора Сьюарда (запись на фонографе)	42
Письмо Куинси П. Морриса Артуру Холмвуду	43
Телеграмма от Артура Холмвуда Куинси П. Моррису	44
Глава 6	45
Дневник Мины Мюррей	45
Дневник доктора Сьюарда	49
Дневник Мины Мюррей	51
Глава 7	53
Вырезка из «Дейлиграф» от 8 августа	53
Судовой журнал корабля «Дмитрий» (рейс из Варны в Уитби)	57
Дневник Мины Мюррей	60
Глава 8	62
Дневник Мины Мюррей	62
Письмо из адвокатской конторы «Сэмюэль Ф. Биллингтон и Сын», Уитби, господам Картеру, Петерсону и К°, Лондон	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Брэм Стокер

Дракула

Глава 1

Путевой журнал Джонатана Харкера (стенография)

3 мая, Бистрица. – Покинул Мюнхен 1 мая в 8.35 вечера и приехал в Вену ранним утром следующего дня; время прибытия по расписанию – 6.46, однако поезд опоздал на час. Будапешт – прекрасное место, судя по крайней мере по тому, что я успел увидеть из окна купе, и по моей короткой прогулке (я опасался слишком удаляться от вокзала, поскольку прибыли мы с опозданием, и поэтому время стоянки, наверняка, должны были сократить). Мое наиболее сильное впечатление – я покидаю Запад и попадаю на Восток; самый «западный» из всех восхитительных мостов над Дунаем (который, кстати, здесь очень широк и полноводен) – яркий образец османской архитектуры.

Поезд тронулся в положенное время, и после полуночи мы прибыли в Клаусенбург. На ночь я остановился в отеле «Ройал». На обед, или скорее на ужин, мне принесли цыпленка с подливкой сплошь из красного перца: очень вкусно, но страшно остро (зап.: списать рецепт для Мины). Спросил официанта, как это блюдо называется, и тот произнес: «*Паприка хендль*»; поскольку это национальная еда, я смогу ее заказывать повсюду в Карпатах. Мой весьма поверхностный немецкий здесь очень пригодился; я и правда не знаю, как бы управился без него.

Выкроив свободную минуту в Лондоне, я сходил в Британский музей, где по картам и книгам провел собственное исследование Трансильвании; должен признаться, меня чрезвычайно поразил тот факт, что предварительное знакомство со страной настолько полезно, что действительно помогает в общении со здешней знатью. Я обнаружил, что местность, которую он упоминал, расположена на крайнем востоке страны, аккурат на границе трех государств – Трансильвании, Молдовы и Буковины, в самом сердце Карпат; к слову сказать, это наименее изученная часть Европы. Я так и не смог найти карты или атласа, указывающих точное расположение замка Дракулы: эта страна их до сих пор не выпускает, поэтому сравнить данные с теми, что дает Британская топографическая служба, не представляется возможным. Тем не менее я обнаружил, что Бистрица – город, почтой которого пользуется граф, – достаточно известное место. Я еще сделаю здесь пару записей, чтобы освежить память, когда буду рассказывать Мине о своем путешествии.

Население Трансильвании более или менее четко делится на четыре группы: саксонцы на юге, вперемешку с которыми живут валахи – потомки древних дакинов; мадьяры на западе, а секлеры на севере и востоке. Нынче я нахожусь среди секлеров, которые считают себя потомками Аттилы и гуннов. Может статься, они и правы, поскольку, когда мадьяры в одиннадцатом веке захватили страну, здесь им пришлось сразиться с гуннами. Я прочел, что в карпатской «подкове» собраны всевозможные религии и суеверия, как будто некий невообразимый ураган забросил их всех в эти горы. Если это правда, то поездка моя, несомненно, станет очень познавательной (зап.: спросить графа о религии).

Спал я крайне беспокойно, и, хотя кровать казалась достаточно удобной, меня мучили всяческие кошмары. Всю ночь под моим окном выла какая-то собака; возможно, это она повинна в моих терзаниях. А может, здесь дело в паприке: я выпил всю воду из графина, и тем не менее жажда ничуть не утихла. Лишь под утро ко мне пришел сон. Разбудил меня настой-

чивый стук в дверь, из чего я заключаю, что спал вполне крепко. На завтрак снова подали паприку, а еще там была *мамалыга* – каша из кукурузной муки – и баклажаны, фаршированные мясом, – замечательное блюдо, называется *имплетата* (зап.: записать рецепт). С едой пришлось поторопиться, поскольку поезд отправлялся в восемь, вернее, должен был отправиться. После того как я примчался на вокзал в 7.30, мне пришлось еще битый час сидеть в вагоне, прежде чем мы наконец-то тронулись. У меня складывается впечатление, что чем дальше продвигаешься на восток, тем менее точны поезда. Что же тогда творится в Китае?

Целый день мы ползли по стране, полной неописуемого очарования. Время от времени мимо проплывали городишки и замки, стоящие на вершинах отвесных холмов, будто сошедшие со страниц старого требника. Иногда дорогу пересекали реки и ручьи, укрепленные берега которых свидетельствуют о частых наводнениях. Действительно, течение в них бурное, и судя по его виду, оно вполне способно снести любые заграждения. На каждой станции встречались группы, а иногда и толпы народа в более чем пестрых нарядах. Некоторые из них точь-в-точь наши крестьяне или те, которые попадались мне во Франции и Германии, – в коротких куртках, круглых шляпах и домотканых штанах. Однако остальные выглядели куда живописней. Здешние женщины вполне симпатичны (конечно, если не подходить к ним близко), но за талией они явно не следят. Каждая была одета в белое платье с широкими рукавами и огромным лифом, с которого свисали какие-то шнурочки, словно у балерин. И все же самая странная одежда у словаков – наиболее варварской группы среди здешних народностей – большие пастушки шляпы, широченные грязно-белые штаны, линялые рубахи и чудовищно тяжелые кожаные ремни, часто подбитые медными гвоздями. Мужчины носят высокие сапоги, в которые они заправляют брюки; у них длинные волосы цвета вороньего крыла и огромные черные усы. Да, они определенно колоритны; однако разглядывать их нельзя – здесь свои суеверия. Все вместе они выглядят как орда древних восточных разбойников. Тем не менее мне сказали, что эти люди совершенно безобидны, будто дети.

Когда сумерки окончательно сгостились, мы наконец-то прибыли в Бистрицу – старое и очень интересное место. Расположенный практически на границе (Боргский тракт отсюда идет в Буковину), этот город знал бурные времена, следы которых заметны и по сей день. Пятьдесят лет назад здесь бушевали страшные пожары, и полное запустение воцарялось пять раз. В самом начале семнадцатого века его осаждали целых три недели, и от битвы, голода и болезней погибло тринадцать тысяч человек.

Граф Дракула заказал мне номер в гостинице «Золотая корона», которая, к великому моему удовольствию, оказалась очень старой, и мне представилась возможность изучить особенности здешней архитектуры. Меня, очевидно, уже ждали, так как не успел я войти, как меня встретила бодрая румяная старушка в простом крестьянском платье – белая рубаха и двойной фартук, слишком пестрый и тесный, чтобы назвать его скромным. Когда я подошел к стойке, она, поклонившись, спросила:

– Гэрр англичанин?
– Да, – ответил я. – Джонатан Харкер мое имя.

Она улыбнулась, дала какие-то распоряжения старику, скорее всего мужу, и тот, отлучившись на пару секунд, вернулся с письмом в руках.

«Друг мой, добро пожаловать в Карпаты. Жду Вас с нетерпением. Спокойной Вам ночи. Завтра в три часа дилижанс отправляется в Буковину; в нем забронировано место. На Боргском тракте Вас будет ждать моя карета. Надеюсь, переезд из Лондона прошел приятно. Теперь Вы сможете насладиться здешними красотами.

Ваш друг,
Дракула».

4 мая. – Как выяснилось, управляющему гостиницы поручили обеспечить меня лучшим местом в экипаже; что до деталей моей поездки, то старик проявил завидную сдержанность, всем своим видом дав понять, что не может разобрать мой немецкий. Однако я склонен в этом усомниться, поскольку до нынешнего момента он вполне сносно отвечал на мои расспросы. Сейчас же и он, и его жена лишь испуганно переглядывались и беспомощно разводили руками. Хозяин пробормотал, что в письмо были вложены деньги и что больше ему ничего не известно. Когда я поинтересовался, знаком ли он лично с графом и знает ли он что-нибудь о замке, старик одновременно с женой перекрестился и, ответив, что к уже сказанному ему добавить нечего, разговор прекратил. Близилось время отъезда, поэтому расспрашивать кого-нибудь еще было некогда. В целом у меня сложилось тревожное впечатление: я чувствовал, что какая-то тайна окутывает имя моего клиента.

Перед тем как мне съехать, хозяйка поднялась в мою комнату и неожиданно истерично обрушилась на меня со словами:

– Неужели вы должны ехать? Ох, молодой господин! Неужто вы и впрямь поедете?

Возбуждение ее оказалось столь сильным, что она растеряла все то немногое, что знала из немецкого, немыслимо смешивая свои причитания с каким-то не понятным мне языком. Удерживать нить разговора помогали лишь ее бесчисленные вопросы. Когда я заявил, что должен ехать немедленно и что меня ждут по важному делу, она снова спросила:

– Вы знаете, какой сегодня день?

Получив в ответ, что нынче четвертое мая, старуха лишь покачала головой.

– О да, я знаю это, я знаю! Но известно ли вам, что сегодня за день?

Уяснив, что я ее не понимаю, она продолжила:

– Сегодня канун дня Святого Георгия. Неужели вы не знаете, что, когда часы пробуют полночь, в силу вступит зло? Знаете ли вы, куда едете и зачем вы там нужны?

Состояние бедной женщины было столь напряженным, что мне пришлось по мере возможностей ее успокаивать, но все напрасно. В конце концов она упала на колени, умоляя меня остаться по крайней мере на день-другой. Все это казалось таким странным, что душа моя беспокойно металась, и я терялся, как мне поступить. Однако дело прежде всего, и я не нашел веских причин для того, чтобы свою поездку отложить. Таким образом, мне пришлось поднять ее с колен и сказать как можно тверже, что работа у меня стоит на первом месте и что я должен ехать сегодня. Старуха устало вытерла глаза и, сняв с шеи распятие, протянула его мне. Я ума не мог приложить, что мне с ним делать, поскольку, принадлежа к англиканской церкви, я должен был бы отвергнуть такой дар, усмотрев в нем идолопоклонство, но, с другой стороны, отказаться принять бесхитростный подарок плачущей старухи стало бы верхом черствости и неблагодарности. Наверное, она поняла мои колебания, поэтому сама накинула мне шнурок на шею и, сказав: «Это ради вашей матери», – быстро вышла из номера.

Я делаю эту запись, ожидая дилижанс, который, разумеется, опаздывает. Крестик все еще у меня на шее. Скорее всего, если страх хозяйки и не передался мне, то уж точно стал причиной какого-то смутного беспокойства. Если Мина прочтет эти строки раньше, чем я увижу ее сам, пусть получит мои наилучшие пожелания. Карета подана!

5 мая, в замке. – Серость раннего утра разогнали первые лучи, и вот уже солнце высоко над горами, освещая что-то вроде дальних хребтов, покрытых лесами, – это так далеко, что точнее отсюда определить невозможно. Спать не хочется. Поскольку будить меня не велено, я стану писать свой журнал, покуда не засну вновь. Мне предстоит рассказать о многих странных вещах.

Дабы тот, кому попадут в руки эти записи, не подумал, что я слишком плотно поел в Бистрице перед отъездом, детально опишу свой обед. Подавали то, что здесь называется «разбойничий бифштекс» – куски бекона, лук и говядина; все это густо посыпано красным перцем, насыжено на прутья и зажарено на открытом огне (блюдо простое, как та конина, которую в

Лондоне мы покупаем для кошек!). К мясу наливали золотистое вино, которое пощипывает язык; на вкус оно очень приятное. Я выпил пару бокалов, но не больше.

Усаживаясь в дилижанс, я обратил внимание на то, что извозчик подошел к моей хозяйке, и они стали о чем-то беседовать. Вскоре я понял, что предметом их обсуждения была моя скромная персона; такой вывод напрашивался сам собой, так как время от времени они на меня оборачивались. Некоторые из тех, что сидели у двери (она называется здесь словом, в переводе обозначающим «носитель заклятия») гостиницы, подходили ближе, слушали и тоже смотрели на меня; у большинства в глазах читалось сочувствие. До меня то и дело доносились одни и те же слова, произносимые многоголосой толпой, весьма странные слова... Я потихоньку достал из саквояжа словарь. То, что я в нем обнаружил, чрезвычайно меня расстроило: *ордог* – дьявол, *покол* – ад, *стрегойка* – ведьма, *вролок* или *власлак* – первое по-словацки, а второе по-сербски обозначают одно и то же – оборотень, вампир (зап.: расспросить графа о местных суевериях).

Как только мы тронулись, толпа у дверей, успевшая значительно разрастись, заволновалась: все как один перекрестились, а потом каждый направил в мою сторону два растопыренных пальца. Чуть позже с огромным трудом мне все же удалось разговорить одного из своих попутчиков и вытянуть из него объяснение такому странному поведению крестьян; поначалу тот не отвечал, но, услышав, что я англичанин, наконец нехотя признался, что это был оберег от дурного глаза. По правде говоря, такое начало поездки в чужую страну к незнакомому человеку ничуть не радовало. Однако в пути тревоги как-то рассеялись, а окружающие меня люди оказались такими сердечными и отзывчивыми, такими симпатичными, что я незаметно успокоился. До конца своих дней не забыть мне той живописной толпы на постоялом дворе, осеняющей себя крестным знамением на фоне яркого неба, большой старой арки и густой зелени олеандров... Извозчик, натянув широкие поводья, щелкнул хлыстом, и все четыре маленькие лошадки прибавили шагу. Путешествие началось.

Мои смутные опасения растаяли на фоне великолепного пейзажа, хотя, доведись мне знать язык или даже языки, на которых переговаривались пассажиры, не думаю, что страхи пропали бы с той же легкостью. Перед нами простиралась холмистая равнина, покрытая лесами и рощами, сквозь которые проглядывали пригорки, заросшие буйным многогравьем, с крестьянскими хатами на вершинах. Все окрест тонуло в пышном цвету: осыпались яблони, сливы, груши, вишни,роняя свои нежные лепестки в яркую зелень. Вокруг холмов (*Миттель-ланд* – здешнее название этой местности) извивалась дорога, то взбираясь вверх, то теряясь в сосняках, поднимающихся по пригоркам, подобно языкам пламени. Колея была разбита, и все же казалось, что мы не ехали, а летели над ней в какой-то лихорадочной спешке. Не имея понятия, отчего мы так торопимся, я, немного поразмыслив, решил, что кучер хочет сократить опоздание и прибыть в Борго Прунд в назначенный час. Говорили, что этот тракт хорош лишь летом, а сейчас он еще недостаточно просох после ставших зимних снегов. Вообще, услышать в Карпатах о хорошей дороге – большая редкость: среди местных традиций ремонтные работы отсутствуют. Обычай этот корнями уходит в древность, когда *господари* боялись строительством дорог спровоцировать турок на начало войны, угли которой тлели, но не гасли в течение веков.

Из-за роскошной зелени *Миттель-ланда* выглядывали бастионы могучих лесов, сквозь которые время от времени виднелись степи, уходившие к самому подножию гор. Подобно огромным крепостям, с обеих сторон надвигались на нас Карпаты, освещенные ярким полуденным солнцем; темно-синие и пурпурные в тени, зеленые и желтые на покрытых травой выступах, с ослепительно белыми вершинами, они тянулись до самого горизонта, где терялись в мглистой дымке. Присмотревшись, можно было заметить гигантские ущелья, и когда случайный луч падал в их глубины, на солнце взлетали вверх серебристые искры водопадов. Когда карета обогнула подножие очередного холма, следя прихотливому изгибу дороги, перед нами

вырос монолит, заснеженный верх которого таял высоко в облаках. Один из пассажиров, благоговейно перекрестившись, дотронулся до моей руки и воскликнул:

– Смотри! *Истен-ишек* – «Божий трон»!

Путь все тянулся куда-то в бесконечность, солнце клонилось все ниже и ниже, и вскоре со всех сторон на нас наползли длинные вечерние тени. Снег на вершине могучей скалы все еще освещался гаснущими лучами, искрясь холодным розоватым блеском, и от этого темнота, спустившаяся в долину, казалась еще мрачнее. По дороге то здесь, то там мелькали фигурки чехов и словаков, а также многочисленные придорожные распятия, при виде которых мои попутчики почтительно крестились. Под ними, как правило, стояли на коленях какие-то люди, которые настолько глубоко ушли в молитву, что не замечали, не видели и не слышали приближающегося экипажа.

По дороге я заприметил много чего необычного: скирды сена на деревьях, плакучие березы, нежные стволы которых отсвечивают в сумраке настоящим серебром...

Время от времени мы разъезжались с *ляйтэрвагонами* – обычными крестьянскими повозками с длинным оставом, призванным сглаживать неровности дороги. В них неизменно сидели возвращавшиеся с полей крестьяне, чехи в белом, словаки в пестрых пастушьих одеждах, с топорами и баулами на плечах. С приходом вечера заметно похолодало; на смену сумеркам опустилась темнота, а вместе с ней и туман, окутавший сосны, березы и дубы, под которыми кое-где виднелись клочья грязного прошлогоднего снега. Если карета ныряла в какую-нибудь рощу, чернота обступала ее со всех сторон; она давила и навевала на людей тоску и тревогу, высвобождая те самые мрачные и причудливые фантазии, что при свете дня прячутся глубоко в сердце и терпеливо ждут часа, когда закат окрасит пурпуром туман над Карпатами, а долины погружаются в ночь. Иногда колея была настолько разбита, что, несмотря на беспокойство возничего, лошадям приходилось еле плестись по непролазной грязи. При одной из таких задержек мне захотелось сойти и прогуляться вдоль обочины, как это мы обычно делаем дома, однако в ответ на такую мысль кучер лишь замахал руками: «Нет, нет, вам нельзя здесь ходить, собаки слишком злые». Немного помолчав, он не без доли злорадства оглядел пассажиров, словно ожидая одобрительных улыбок, и добавил: «Вам еще предстоит кое-чего пережить, прежде чем вы отправитесь сегодня спать!» После этого мы единственный раз ненадолго притормозили, когда кучер зажигал фонари.

С приходом темноты люди как-то заметно оживились и наперебой стали разговаривать с извозчиком, не умолкая ни на минуту и словно давая понять, что неплохо бы поторопиться. Хлыст нещадно гулял по спинам лошадей, и тишину ночи часто разрывал залихватский свист. Впереди обозначилось что-то светло-серое, очень похожее на громадную расщелину. Беспокойство моих попутчиков заметно возросло, а безумие кучера достигло предела, и теперь весь наш экипаж напоминал утloe суденышко, пробивающее себе путь сквозь штормовые валы. Приходилось держаться за поручень. Однако постепенно дорога стала выравниваться. Теперь горы наступали со всех сторон, нависая над нами тяжелыми складками. Начинался Боргский тракт. Один за другим попутчики стали предлагать мне подарки, причем делали это столь чистосердечно и настойчиво, что об отказе не могло быть и речи: ими оказались разного рода штуковины, принимая которые, я слышал добрые напутствия и благословения. Не укрылись от меня также и те странные признаки ужаса, что так памятны мне по Бистрице, – крестные знамения и обереги от сглаза. Внезапно возничий подался вперед, а пассажиры уставились в темноту. Очевидно, нечто очень важное либо уже случилось, либо ожидалось с минуты на минуту. Все мои расспросы ни к чему не привели, и люди упорно отмалчивались. В таком напряженном состоянии мы проехали еще немного, как вдруг заметили, что скалы расступились и тракт перевалил на восточный склон. Под нами клубился туман, а воздух казался тяжелым и давящим, словно предвещал грозу. Меня не покидало впечатление, будто горы стали естественной границей между атмосферой обычной и чужой, холодной и враждебной. Мои глаза уже искали

карету, что должна доставить меня к графу. Каждое мгновение я ждал, что вот-вот в темноте мелькнет огонек фонаря, но увы, окрестности по-прежнему окутывала мгла. Единственным источником света в этом унылом месте оставался наш собственный фонарь, в лучах которого поднимался пар от спин уставших лошадей. Перед нами простиралась пустынная каменистая дорога. Со вздохом облегчения пассажиры расселись по местам, словно желая тем самым лишь усилить мое разочарование. Я уже начал было подумывать, что предпринять, раз экипаж за мной не прислали, когда извозчик, взглянув на часы, что-то быстро и тихо произнес, как мне показалось, «на час позже обычного», а потом обернулся ко мне и на немецком, куда более слабом, чем мой, к слову сказать, весьма посредственный, заявил:

– Кареты нет. Видимо, господина не ждут. Он сейчас поедет в Буковину и вернется завтра. Лучше днем.

Пока тот произносил свою речь, лошади начали фыркать и взбрыкивать так сильно, что пришлось их сдерживать. Под нестройный хор голосов и ставшее уже привычным крестное знамение я заметил карету с четырьмя лошадьми в упряжке, беззвучно подкатившую к нам сзади. При скучном свете наших фонарей я увидел, что эти великолепные животные оказались угольно-черной масти. На козлах сидел высокий мужчина, длиннобородый, в черной шляпе, которая скрывала в своей тени все его лицо. Из-под шляпы сверкала лишь пара глаз, при свете фонаря отливавших красным. Он обратился к нашему кучеру:

– Сегодня вы рано, мой друг.

– Английский господин очень спешил, – заикаясь, ответил тот.

– Именно поэтому, я полагаю, – съязвил незнакомец, – вы и решили увезти его в Буковину. Меня не обманешь, приятель: я слишком много знаю, а кони мои резвы.

Он улыбнулся, и свет упал на нижнюю часть его лица, показав неестественно красные губы и длинные зубы, белые, как слоновая кость. Один из моих попутчиков шепотом процитировал своему соседу строку из Бургера:

«Denn die Todten reiten schnell».

(Ибо мертвые быстры.)

Незнакомец, очевидно, расслышавший эти слова, обнажил свои зубы в довольном оскале. Пассажир отвернулся, наскоро перекрестился и сделал «рогатку».

– Подайте мне багаж господина, – приказал слуга графа, и мои пожитки моментально переместились в его карету. Стальным обручем он сомкнул руки на моем плече, подсаживая меня, и в этом объятии чувствовалась недюжинная сила. Не произнеся ни слова, он натянул вожжи, и мы понеслись в темноту. Оглянувшись назад, я бросил прощальный взгляд на нашу повозку, почти уже исчезнувшую в тумане, и на бывших своих попутчиков, по-прежнему истово крестившихся. Через несколько мгновений все вошли в дилижанс, возничий щелкнул хлыстом, и лошади понеслись дальше, в сторону Буковины. Глядя вслед удаляющемуся экипажу, который уже едва виднелся во мраке, я поймал себя на том, что весь дрожу, что мне жутко и очень одиноко; в тот же миг на моих плечах оказался плащ, на коленях плед, и я услышал слова, произнесенные на безукоризненном немецком:

– Ночь холодна, мой господин, а граф приказал позаботиться о вас самым щадительным образом. Если вам угодно, под скамьей вы найдете фляжку со *сливовицей* (это местный сорт бренди).

Собственно, ничего такого мне не требовалось, и все же было очень приятно осознавать, что, случись непредвиденное, я всегда смогу согреться. Я чувствовал себя немного не в своей тарелке, но куда сильнее, чем неудобство, меня терзал страх. Представься мне возможность выбирать нынче, и я с радостью отказался бы от этого ночного путешествия навстречу неизвестности...

Карета тяжело катила вперед, затем резко повернула, потом мы снова долго ехали прямо. Постепенно у меня родились подозрения, что мы попросту ездим по кругу; выбрав для себя в качестве ориентира приметный утес, я вскоре убедился в собственной правоте. При других обстоятельствах я бы тут же спросил извозчика, что сие означает, но сейчас я боялся. Где-то в глубине души я понимал, что в моем положении глупо пытаться изменить ход событий, и коль скоро чьей-то воле угодно, чтобы мы задержались, то так оно и будет. Еще немного погодя мною овладело любопытство, сколько времени мы уже кружим по этим скалам. Я чиркнул спичкой и при свете пламени взглянул на часы: наступала полночь. Невольно я поддался леденящему ужасу, поскольку здешние предрассудки относительно этого часа, по-видимому, все же оставили след в моей душе. Все так же молча я начал терзаться самыми кошмарными подозрениями.

Где-то очень далеко, внизу от дороги, наверное, в одной из крестьянских хат начала лаять собака, и вскоре голос животного стал звучать так, что не оставалось сомнений: подобные звуки может издавать лишь существо в агонии или полное страха. В ответ на лай по соседству завыли еще один пес, потом еще и еще, покуда все окрестности тракта не огласились этими жуткими завываниями; казалось, не только из соседней деревни, но и ото всех сел страны, со всего света, окутанного тьмой, исходил этот холодящий кровь звук. Заслушав шум, лошади начали было дергаться, однако возничий их успокоил, тихо что-то прошептав; и все же бедные животные продолжали бояться, дрожали и обливались потом, будто только что вышли из-под проливного дождя. Вскоре где-то вдалеке, высоко в горах, по обе стороны нашей дороги разнесся новый звук – еще более громкие и пронзительные завывания волков, – от которого я почувствовал себя, очевидно, так же, как и наша несчастная четверка, поскольку в этот миг мною овладело страстное желание выскочить из кареты и бежать куда глаза глядят. Лошади теперь безумствовали, возничий изо всех сил старался их удержать, и лишь мгновения отделяли нас от падения в пропасть. Разумеется, через пару минутвой этот уже не так резал ухо, а кучер успел соскочить с козел и встать перед испуганными животными. Он оглаживал шкуры, трепал за ушами и что-то мягко нашептывал, точь-в-точь как объездчик на rodeo, и к удивлению моему, под этой лаской лошади вновь стали послушными и управляемыми, несмотря на то, что страх засел в них очень глубоко. Возничий вернулся на свое место и, натянув вожжи, снова погнал вперед. Когда мы в очередной раз максимально удалились от тракта, он неожиданно свернул на узкую тропу, уводившую вправо.

Словно враги, выскочившие из засады, нас плотным кольцом окружили деревья, чьи кроны смыкались высоко над нашими головами, образуя настоящий туннель. Как только мы его миновали, вновь повсюду окрест появились хмурые скалы, зловеще охранявшие здешний древний покой. Несмотря на естественное укрытие, в котором мы продвигались, до нас долел голос ветра, чей вой и стон, казалось, сотрясал горы и гнул вековые стволы. Заметно похолодало, и вскоре посыпал мелкий колючий снег, в одночасье покрывший камни и нас белым саваном. Разбушевавшийся ветер все еще доносил несмолкаемый лай собак, который, однако, все же постепенно стихал по мере того, как мы удалялись от обжитых мест. На смену ему теперь пришел волчий вой, подступавший все ближе и ближе так, что складывалось впечатление, будто эти дикие звери окружили карету со всех сторон. Подобно лошадям, я трясясь от ужаса, и один лишь возничий оставался невозмутимым, словно камень. Время от времени мы сворачивали то налево, то направо, но в кромешной тьме я не мог различить ни зги.

Неожиданно в окружавшем нас мраке далеко слева я заметил слабый голубой огонек. В тот же момент его увидел и кучер; в мгновение ока он осадил лошадей и, спрыгнув на землю, скрылся во тьме. Не имея понятия, что теперь делать, я с ужасом сидел и слушал приближающийся вой хищников. В этом оцепенении меня и застал вернувшийся возничий; он вскочил к себе на место и все так же молча продолжил столь внезапно прерванное путешествие. Скорее всего, после этого меня сморил сон, поскольку, когда я пришел в чувства, перед глазами

у меня все еще крутились огни, повороты и скалы из пережитого ночного кошмара. Один раз таинственный огонек настолько приблизился к дороге, что даже в окутывавшей нас черноте я сумел различить движения извозчика: он вскочил и кинулся по направлению к свету – очень призрачному, поскольку, строго говоря, то был даже не свет, а свечение и окрестности все так же оставались непроглядными, – собрал груду камней и придал ей некую форму… Тогда мне довелось столкнуться со странным оптическим эффектом: когда незнакомец встал между источником света и мной, я по-прежнему мог наблюдать голубые всполохи через его фигуру. Все это длилось лишь одно мгновение, поэтому я склонен списать данное видение на расстроенные нервы, усталость глаз и глухую ночь. Во мраке мы летели вперед, огней больше не было видно, и лишь злобный вой все так же окружал нас со всех сторон, словно мы двигались внутри живого кольца.

Как-то раз кучер удалился так надолго, что лошади пуще прежнего принялись дрожать, фыркать и ржать от страха. Причины их беспокойства я не видел, поскольку теперьвой, казалось, остался где-то позади. Однако в эту минуту из-за туч выглянула луна, зыбко осветив тяжелые складки гор, поросших сосновым бором, и круг волков, чьи зубы белели, подобно снегу, алые языки свисали из пасти, а шкуры отливали серебром. В своем безмолвии они казались в тысячу раз кошмарнее, чем если бы скулили или рыкали. От страха со мной присоединилось что-то вроде паралича. Лишь тот, кто лицом к лицу стоял с могильным ужасом, может понять мои чувства.

Словно повинувшись воле печального светила, звери вдруг одновременно завыли. В ответ кони встали на дыбы, но, окруженные враждебным кольцом, остались на месте, переминаясь с ноги на ногу и затравленно вращая глазами, так что без слез трудно было на них смотреть. Я послал в темноту свой крик, надеясь, что возничий вернется и спасет нас из этой западни. Я вопил и стучал по карете, рассчитывая на то, что шум испугает животных и тогда хоть с какой стороны, но подмога обязательно подоспеет. Каким образом кучер оказался рядом, я не помню. Сквозь пелену забытья я услышал его голос, твердо отдающий команды, и, собрав все свои силы, выглянул из окна: тот стоял на дороге. Разводя перед собой руками, словно отстраняя невидимое препятствие, он неведомо какими силами заставлял волков отступать все дальше и дальше. В эту минуту тяжелая туча закрыла собою луну, и весь мир вновь погрузился во мрак.

Когда дар видения вернулся ко мне, я заметил кучера, взбирающегося на козлы; волки исчезли. Происшествие это пугало своей странностью и таинственностью настолько, что меня вновь сразил смертельный ужас, и я не мог ни шевельнуться, ни раскрыть рта. Время сбилось и потерялось, мы продолжали наш бесконечный путь во мраке ночи, и лишь изредка луна освещала призрачным своим нимбом летевшие по небу тучи. В дороге мы иногда останавливались, и кучер исчезал, чтобы потом снова вернуться. Монотонность и пережитый страх так полно поглотили меня, что я вздрогнул, когда заметил приближающуюся к нам громаду старого замка, чьи разрушенные укрепления зловеще поблескивали в свете луны, а в высоких черных окнах не было видно ни огонька.

Глава 2

Путевой журнал Джонатана Харкера (продолжение)

5 мая. – Наверное, я находился в полузыбытии, поскольку, будь я бодр и свеж, несомненно, заметил бы это примечательное место. Во мраке замок казался огромным, а так как из-под высоких темных арок в ночь уходило сразу несколько дорог, возможно, усадьба представилась даже больше, чем она была на самом деле. При свете дня рассмотреть ее мне еще не удалось.

Как только карета остановилась, кучер спрыгнул на землю и помог мне сойти. И снова я почувствовал недюжинную силу в протянутой руке, которая, вздумай ее хозяин такое, с легкостью могла бы раздробить мне кости. Через минуту мои чемоданы оказались рядом с громадной старой дверью, часто подбитой огромными гвоздями и установленной в массивном каменном проеме. Даже в тусклом свете я заметил, что грубо отесанный камень порядком поизносился от времени и непогоды. Покуда я разглядывал вход, мой возничий вскочил на козлы, щелкнул хлыстом, и карета исчезла в одном из темных провалов.

Я оставался на месте, не зная, что теперь делать, окруженный почти осязаемой тишиной. На двери не было ни колокольчика, ни молотка; голос мой казался явно бессильным против угрюмых каменных стен, а темные окна возвышались слишком далеко. Минуты ожидания тянулись бесконечно, и в душу ко мне снова заползали страх и сомнения. Куда я приехал и что за люди живут в таком унылом месте? В какое мрачное приключение пришлось мне ввязаться? Неужели это всего лишь обычный эпизод из жизни служащего адвокатской конторы, посланного растолковать варвару условия покупки недвижимости в Лондоне? Служащий адвокатской конторы! Мне такое не понравится. Адвокат – звучит несравненно солиднее, тем более, что аккурат перед отъездом мне сказали, что экзамены я сдал успешно; таким образом, теперь я являюсь действительно полноценным адвокатом. Автоматически я протер глаза и ушипнул себя за руку, чтобы убедиться, что все это не сон. Случившееся со мной этой ночьюказалось кошмаром, и мне страшно хотелось внезапно проснуться у себя дома, увидеть лучи рассвета, пробивающиеся сквозь окно, и посетовать на слишком тяжелый день накануне. Однако кожа от щипков болела, а глаза меня не обманывали. Я не спал, и вокруг меня высился Карпаты. Все, что теперь оставалось делать, – это призвать на помощь терпение и дождаться прихода утра. Как только я пришел к этому выводу, за тяжелой дверью раздались приближающиеся шаги, а в трещинах между досками показался свет фонаря. Послышался грохот цепей и лязг массивного замка; судя по звуку, ключом уже давно не пользовались. Дверь медленно отворилась.

Передо мной стоял высокий старик, чисто выбритый, не считая длинных седых усов, с головы до пят одетый в черное. В руке он держал древний серебряный светильник, в котором горело открытое пламя, бросавшее долгие дрожащие тени в темный провал за дверью. Неожиданно грациозным взмахом правой руки он пригласил меня внутрь, заговорив при этом на превосходном английском, который, правда, немного портила странная интонация:

– Добро пожаловать в мой дом! Входите свободно и с доброй волей!

Не сделав ни шага мне навстречу, он стоял, подобно изваянию, в которое его превратил жест гостеприимства. Однако не успел я перешагнуть массивный порог, как тот импульсивно дернулся вперед и стиснул мою руку настолько сильно, что заставил поморщиться от боли и обжигающего холода, словно это была рука покойника. Хозяин заговорил вновь:

– Добро пожаловать в мой дом. Входите свободно. Чувствуйте себя в безопасности. И сделайте меня чуточку счастливее!

Рукопожатие его настолько сильно напомнило мне о кучере, чье лицо все время скрывали поля шляпы, что мгновение я ничуть не колебался, что именно этот человек и доставил меня сюда. Чтобы развеять свои сомнения, я собрался с духом и спросил:

– Граф Дракула?

Элегантно поклонившись, он ответил:

– Да, я Дракула; рад приветствовать вас в своем доме, мистер Харкер. Входите. Ночь прохладна, а вы, очевидно, нуждаетесь в ужине и сне.

Произнеся эти слова, он поставил светильник на каменный выступ, взял мои чемоданы и пошел вперед, указывая путь. Несмотря на мои протесты, он настоял на таком одолжении:

– Нет, сэр, вы мой гость. Уже поздно, и слуг теперь не дозволишься, поэтому позвольте мне самому о вас позаботиться.

Он нес мои пожитки через всю галерею, а потом вверх по лестнице, нещадно продуваемой сквозняками, а затем снова по какому-то длинному переходу, и шаги его гулко отдавались в каменных стенах. В самом конце коридора он открыл тяжелую дверь, и я к радости своей обнаружил за ней хорошо освещенную комнату, в которой стол уже был накрыт к ужину, а в громадном камине жарко и весело горела целая поленница дров.

Граф остановился, опустил на пол мои саквояжи, закрыл за мной дверь и, пройдя через весь покой, открыл еще одну дверь, ведущую в маленькую восьмиугольную комнату с единственной лампой и совершенно без окон. Пройдя ее так же, как и предыдущую, граф открыл следующую дверь и поманил меня. При виде этой комнаты радость сладким теплом разлилась по всему моему телу: это была просторная спальня, хорошо освещенная и натопленная, с большим камином, жар от которого поднимался вверх и с гулом исчезал в дымоходе. Дракула поставил мои чемоданы у стены, развернулся и, перед тем как закрыть дверь, на прощание сказал:

– После столь утомительного путешествия вы, вероятно, захотите привести себя в порядок и заняться туалетом. Надеюсь, здесь вы найдете все, что вам нужно. Как только будете готовы, возвращайтесь. Ужин подадут в столовую.

Непринужденность и теплота этих слов, казалось, рассеяли все мои сомнения и страхи. Окончательно прия в себя после всего пережитого, я обнаружил, что зверски голоден, поэтому, наскоро покончив с туалетом, поспешил в столовую.

Как только я вошел, то сразу заметил, что ужин уже подали. Мой хозяин, прислонившись к камину, грациозно махнул рукой в сторону стола.

– Прошу вас, садитесь и ешьте вволю. Надеюсь, вы простите меня за то, что я не составлю вам компанию; я уже отобедал, а ужинать я не привык.

Я вручил ему запечатанный конверт с письмом мистера Хокинса, которое тот просил передать лично графу. Старик, сорвав печать и нахмурившись, прочел послание, затем, улыбнувшись, поднял глаза и передал бумагу мне, дабы я с ней ознакомился сам. То, что я там обнаружил, по крайней мере один абзац, очень мне польстило:

«...К огромному сожалению, приступ подагры, обострившейся в последние дни, на некоторое время сделал абсолютно невозможными мои поездки куда бы то ни было. Тем не менее я счастлив имеющейся у меня возможности отправить к Вам достойного заместителя, заслуживающего моего безграничного доверия. Мой посыльный – молодой человек, полный энергии и несомненного таланта, с которым можно решать вопросы самого деликатного свойства. Харкер благороден и неболтлив; под моим началом из юнца он превратился в настоящего мужчину. С его помощью я надеюсь решить все дела в кратчайшие сроки к нашему обоюдному удовольствию».

Пока я читал, граф уже подошел к столу и лично снял крышку с блюда, открыв моему взору великолепно зажаренного цыпленка. Таким образом, мой ужин составили птица, сыр, салат и бутылка старого токайского, из которой я с удовольствием выпил пару стаканов. Пока я

ел, граф засыпал меня вопросами относительно моего путешествия, и к концу ужина я описал ему почти все, что произошло со мной в дороге.

Покончив с едой, я с удовольствием присоединился к хозяину: мы оба подвинули кресло к камину, и я закурил предложенную мне сигару, в то время как граф, извинившись, сообщил, что не курит. Теперь у меня появилась наконец-то возможность хорошенько рассмотреть этого старика, и я обнаружил, что тот имеет очень примечательную физиономию.

У него был совершенно орлиный профиль, с тонкой высокой переносицей и четко обозначенными ноздрями; лоб выпуклый, волосы на висках редкие, зато очень обильные на всей остальной голове. Просматривались широкие брови, почти смыкающиеся на лбу, при этом такие густые, что в некоторых местах они завивались. Несколько я мог видеть, из-под седых усов губы его казались тонкими и несколько хищными, а зубы поражали своей белизной и остротой; ярко-красный цвет губ указывал на недюжинную жизненную силу для человека его лет. Что до всего остального, то у него бледные уши, странно заостренные кверху, подбородок широкий и сильный, а щеки, хоть и впалые, но очень плотные. Во всем его лице, пожалуй, больше всего поражала общая бледность.

Кожа его рук при свете огня казалась белой и мягкой, но стоило мне присмотреться, как я обнаружил, что кисти очень широкие и грубые, а пальцы узловатые. Как это ни странно прозвучит, на ладонях его я отчетливо видел растущие волоски. Мой хозяин носил длинные ухоженные ногти, заостренные на концах. Когда граф склонился и дотронулся до моей руки, я просто не мог подавить в себе дрожь. Возможно, виной тому его старчески несвежее дыхание, но к горлу моему подступила тошнота, которая, несмотря на мои отчаянные попытки ее скрыть, все же не ускользнула от его взгляда. Заметив мое состояние, он откинулся на спинку кресла и скорее оскалился, чем улыбнулся, вновь показав весь ряд стройных длинных зубов. Некоторое время мы оба молчали. Выглянув в окно, я заметил первые слабые лучи приближающегося рассвета. Мне почудилось, будто в окрестностях установилась какая-то неестественная тишина, однако, прислушавшись, я обнаружил, что могу различить отдаленные завывания волков где-то в здешних горах. Сверкнув глазами, граф заметил:

– Послушайте их плач – это дети ночи. Как ласкает слух эта музыка!

Очевидно, узрев на лице моем выражение крайнего недоумения, он продолжил:

– Ах, сэр, вы, прозябающие в городах, не в силах понять чувств охотника.

Сказав это, он встал со своего места и добавил:

– Но, должно быть, вы очень утомлены. Ваша постель готова, завтра вы можете оставаться в ней так долго, как того сами пожелаете. До полудня меня не будет, поэтому спите спокойно и приятных вам сновидений.

Вежливо поклонившись, он провел меня до восьмиугольной комнаты, лично открыл дверь, и я удалился…

Меня обуреваю эмоции: я поражаюсь, я сомневаюсь, я боюсь. В голову приходят странные мысли, в которых я не осмеливаюсь признаться даже самому себе. Господи, храни меня грешного, хотя бы ради тех, кто мне дорог!

7 мая. – Нынче опять раннее утро, однако я уже выспался и полностью восстановил в себе силы за последние сутки. Проспав до обеда, я встал, оделся и прошел в столовую, обнаружив там успевший остыть завтрак; только кофейник оставался горячим, так как его поставили на угли. На столе лежала записка, гласившая: «Вынужден на время отлучиться. Меня не ждите. – Д». Таким образом, я сел за трапезу в одиночестве. Покончив с завтраком, я огляделся в поисках звонка, чтобы известить прислугу о том, что можно убирать; но ничего похожего я не обнаружил. Все-таки в этом доме очень много странного, особенно если принять во внимание очевидную роскошь, окружавшую меня здесь повсюду. Сервировочный столик был позолоченным и такой тонкой работы, что стоимость его представлялась чрезмерно высокой. Занавеси, обивка кресел и диванов, а также драпировки на моем пологе казались настолько

восхитительными, что я терялся, пытаясь определить их цену, вполне понимая что им уже не одно столетие, несмотря на то, что ткань столь замечательно сохранилась. Что-то подобное довелось мне однажды видеть в Хэмптон-Корте, однако там материя выглядела поношенной, выгоревшей и побитой молью. В комнатах поражало полное отсутствие зеркал. Даже на моем туалетном столике их не было, поэтому мне пришлось достать из собственного несессера маленько зеркальце, чтобы я мог бриться и расчесывать волосы. До сих пор мне не попался ни один слуга, а со двора замка не доносилось никаких звуков, кроме завываний волков. Покончив с едой – уж не знаю, называть это завтраком или обедом, – между пятью и шестью часами я начал искать что-нибудь для чтения, так как подумал, что разгуливать по дому без приглашения хозяина неприлично. Не найдя в столовой ровным счетом ничего – ни книги, ни газеты, ни даже письменных принадлежностей, я направился в следующую комнату, где обнаружил нечто вроде библиотеки. Попробовав открыть еще одну дверь, я наткнулся на запертый замок.

В библиотеке, к огромному моему удивлению, я нашел великое множество книг на английском; они занимали целые полки, стоя по соседству со стопками журналов и кипами газет. Столик в центре комнаты также был завален британской периодикой, хотя ни один номер не оказался достаточно свежим. Книги являли собой чтение на любой вкус: история, география, политика, экономика, ботаника, геология, юриспруденция – все об Англии, ее законах и нравах. Здесь даже нашелся телефонный справочник Лондона, «красная» и «синяя» книги, а также «Альманах Уитейкера», военные и морские карты и, что особенно меня порадовало, «Юридический справочник».

Пока я разглядывал книги, дверь открылась, и на пороге появился граф. Он сердечно меня приветствовал и высказал предположение, что я хорошо отдохнул:

– Я очень рад, что вы здесь освоились. У меня есть много для вас интересного. Эти друзья, – сказал он, положив ладонь на стопку книг, – верой и правдой служат мне с тех пор, как я впервые решил поехать в Лондон. Здесь я провел много, очень много счастливых часов. По книгам я узнал великую Англию, а знать ее – значит любить. Я горю желанием побродить по суетливым лондонским улицам, окунуться с головой в столичную суматоху, оказаться рядом с людьми, жить их жизнью, заботами, смертью и всем остальным. Но увы! Покуда мне остается лишь довольствоваться изучением вашего языка. У вас, мой друг, я надеюсь многое почертнуть.

– Но, граф, – воскликнул я, – вы и так потрясающе преуспели в английском!

– Благодарю вас, – ответил он, поклонившись, – за вашу сладкую лесть. И все же я полагаю, что только ступил на дорогу, по которой мне еще предстоит проделать долгий путь. Действительно, я знаком с грамматикой и знаю слова, но мне не известно, как связать их воедино.

– Ах, право, – возразил я, – вы говорите безупречно.

– Не совсем. Я поверил бы в ваши слова, доведись мне попасть в Лондон и слиться с тамошней толпой настолько, что никто не признал во мне чужеземца. Я не довольствуюсь малым. Здесь я знатен, я *бояр*; меня знает народ, а я им повелеваю. Однако иностранец на чужбине – ничто; его никто не знает, не любит и не почитает. Меня убедит лишь полное слияние с толпой, когда на меня не станут указывать пальцем или в ответ на мою речь говорить: «Ха-ха! Да он же иностранец!» Слишком долго в этой жизни я был хозяином. И в будущем никто, по крайней мере, не станет командовать мной. Вы приехали сюда не только как агент моего друга Питера Хокинса, чтобы рассказать мне о новых поступлениях на лондонском рынке недвижимости. Я верю, что вы останетесь здесь и погостите немного, и тогда по нашим беседам я смогу освоить английскую интонацию, а вы станете указывать мне на мои даже самые малейшие ошибки. Прошу у вас прощения за столь долгое отсутствие нынешним утром; надеюсь, вы дадите его тому, кто вынужден управляться с такой массой дел в полном одиночестве.

Разумеется, я горячо заверил собеседника в том, что, прекрасно понимая, насколько тот занят, обиды на него не держу и что я очень польщен его гостеприимным приглашением. Я

спросил его также, могу ли я приходить в эту комнату по собственному желанию. Ответив безусловным согласием, он добавил:

— Вы можете всюду ходить по замку за исключением тех покоев, которые заперты на замок; собственно говоря, вы и сами вряд ли захотели бы их осматривать. Видите ли, на все есть свои причины, и, доведись вам побывать в моей шкуре, вы, несомненно, лучше бы меня понимали. Вы находитесь в Трансильвании, а Трансильвания — это не Англия. Наши обычаи совсем не похожи на английские, и вам еще предстоит столкнуться со множеством странных вещей. Однако из описанного вами путешествия вы, как я полагаю, уже составили себе представление, с какого рода странностями здесь можно повстречаться.

Фраза эта послужила отличным началом оживленному диалогу. Поскольку хозяин дома выглядел расположенным к беседе, я устроил ему подробный расспрос относительно событий, уже произошедших со мной, а также тех, что я успел заметить в пути. Он избегал обсуждения некоторых предметов или менял тему разговора, притворяясь, будто меня не понимает; но в целом речь его казалась вполне правдивой и откровенной. С течением времени, все больше осмеливаясь, я начал задавать вопросы о прошлой ночи: например, зачем возничий бегал в те места, где вспыхивали таинственные голубые огоньки? Правда ли, что в таких местах, как гласит поверье, спрятано золото? В ответ граф поведал мне, что действительно простонародье верит, будто в определенную ночь, когда темные силы воцаряются на земле, голубые огоньки появляются там, где зарыты сокровища.

— В тех местах, что вы проезжали, — продолжал старик, — несомненно, были спрятаны несметные богатства, поскольку в свое время именно здесь шли жесточайшие войны между валахами, саксонцами и турками. Пожалуй, во всей этой стране вы едва ли найдете пядь земли, которая не была бы обильно полита кровью защитников или захватчиков. В старину в этих местах проходили полчища австрийцев и венгров, а навстречу им шли мужчины и женщины, стар и млад: они прятались в скалах над тропами, чтобы каменной лавиной стереть врага с лица земли. А когда чужеземцы все же завоевали эти горы, им досталось лишь то немногое, что не успела укрыть в себе земля.

— Но неужели, — воскликнул я, — сокровища до сих пор так и лежат в земле, не найденные никем?! Ведь на них существуют прямые указатели, и надо лишь только поискать!

Услышав это, граф улыбнулся, губы его раздвинулись, и я опять увидел эти по-собачьи длинные, острые и странные зубы.

— Наши крестьяне в массе своей трусливы и глупы! Те огоньки, что вы видели по дороге, появляются лишь один раз в году. И именно в такую ночь ни один из них по доброй воле не сделает и шага за порог. А даже если кто-то и осмелится все же выйти, он просто не будет знать, что ему делать. Поверьте мне, исключением не станет и тот, о котором вы мне говорили. Даже вы, клянусь, при свете дня не сможете найти эти места!

— Вы правы, — согласился я. — Совершенно не представляю, где их искать. С тем же успехом клад мог бы найти и покойник.

Теперь в разговоре мы перешли на другие темы.

— Ну ладно, — наконец произнес граф. — Расскажите-ка мне лучше о Лондоне и о том доме, что присмотрели для меня.

Извинившись за рассеянность, я пошел в свою спальню, чтобы достать из саквояжа все необходимые бумаги. Пока я их разбирал и укладывал, в соседней комнате раздался звон фарфора и серебра. На обратном пути я обнаружил, что приборы уже унесли и зажгли лампу, поскольку за окнами опускался вечер. Свет зажегся также и в кабинете, или библиотеке, где я и застал графа, лежа читающего из великого множества книг почему-то именно «Справочник Брэдшоу». Когда я вошел, Дракула убрал со стола все бумаги, и мы вместе погрузились в изучение планов, отчетов и цифр. Его интересовало буквально все, он задавал мириады вопросов относительно Лондона и его окрестностей. Совершенно очевидно, что он заранее подготовился

к беседе, самым тщательным образом изучив информацию об этой местности, поскольку к концу нашей беседы у меня сложилось такое впечатление, будто ему известно куда как больше, чем мне самому. В ответ на это предположение граф заметил:

– Да, друг мой, но разве это не логично? Когда я приеду туда, то окажусь там совсем один, а моего приятеля Харкера Джонатана – ах нет, извините, я по привычке ставлю вашу фамилию перед именем, как это делается в моем родном языке, – моего приятеля Джонатана Харкера не будет рядом, и никто не сможет поправить меня или оказать помощь несчастному старику. Мой друг останется в Экзетере, за многие мили оттуда, чтобы работать с бумагами бок о бок с другим моим другом – Питером Хокинсом. Вот так-то!

Мы подробно обсудили условия покупки недвижимости в Перфлите. Убедившись в том, что моему клиенту все понятно, и получив его подпись на необходимых бумагах, я написал сопроводительное письмо мистеру Хокинсу. Покуда я был занят, граф поинтересовался, каким образом удалось мне найти столь славное место. Дабы удовлетворить его любопытство, я прочел ему кое-какие из своих записей:

«В Перфлите, в одном из переулков, я наткнулся на место, которое, кажется, подходит по всем требованиям. Кроме того, там же висела покосившаяся табличка с надписью „Продаётся“. Дом окружен высокой стеной старой постройки, каменная кладка очень давно не обновлялась и требует серьезного ремонта. Ворота старые, дубовые, с железной отделкой, повсюду ржавчина.

Усадьба называется Карфакс. Название, несомненно, происходит от старого *Quatre Face*. Дом четырехугольный, выстроен в соответствии с направлениями сторон света. Усадьба расположена на двенадцати акрах земли, окруженных вышеупомянутой стеной. Парк запущен, отчего местами выглядит мрачновато; имеется также глубокий пруд или небольшое озеро с темной водой, очевидно, подпитывающееся источниками, поскольку вода чистая и вытекает оттуда достаточно стремительным потоком. Сам дом очень просторный и старый, на мой взгляд, постройки времен средневековья. Стены толстые, на фасаде мало окон, да и те расположены очень высоко и закрыты коваными решетками. Сооружение, точнее его главная башня, похоже на старую часовню или церковь. Войти туда я не смог, поскольку с собой не было ключей, но „Кодаком“ я сделал несколько снимков со всех сторон. Жилые покой напоминают военные укрепления и очень обширны. По соседству почти не живут, а в самом ближнем доме расположился частный пансион для душевнобольных, который, впрочем, со двора не виден».

Закончив чтение, я услышал:

– Очень хорошо, что дом такой большой и старый. Я потомок древнего рода, поэтому переселиться в современное здание для меня равносильно самоубийству. Скорее всего, быстро обжить его не удастся – где день, там и два; где два, там и год. Радует меня также и то, что в доме есть старая церковь. Для нас, трансильванской знати, очень важно быть уверенным в том, что кости наши в конце концов не станут лежать подле тел простых смертных. Мне не нужно ни роскоши, ни суety, ни веселья. Свет солнца и искрящиеся воды радуют молодых, а я стар. Сердце мое, изношившееся в годах скорби по ушедшим, не расположено к шумным забавам. Кроме того, стены моего замка разрушены; здесь много теней, а ветер веет холодом через разбитые бойницы и щели. Мне нравятся тени: в их укрытии легче предаваться раздумьям.

Слушая его речь, я никак не мог отделаться от впечатления, будто слова у него расходятся с истинными чувствами, поскольку откровения графа были преисполнены печали, в то время как на губах играла злая и кровожадная улыбка.

Извинившись, Дракула покинул меня, попросив при этом сложить все бумаги вместе. В отсутствие хозяина я принялся рассматривать книги. Одной из них был атлас с закладкой, естественно, на Англии, как будто картой этой часто пользовались. На ней некоторые места оказались обозначенными маленькими кружочками: одни возле Лондона, на востоке, точно там, где располагалась его новая усадьба; два других отмечали Экзетер и Уитби на йоркширском побережье.

Вернувшись, граф принес с собой некоторое оживление.

— Ага! Все еще сидите над книгами? Хорошо! Однако следует делать перерывы в работе. Пойдемте; мне сказали, ваш ужин уже готов.

Он взял меня под руку, и мы прошли в соседнюю комнату, где на столе дымились потрясающие блюда. Хозяин от закусок отказался, с извинениями сославшись на то, что во время поездки уже успел отобедать. Тем не менее он уселся на место, где провел предыдущую ночь, и занимал меня разговорами, пока я ел. Как и вечером накануне, я выкурил предложенную сигару; разговор наш продолжался, вопросы сменялись вопросами, а час шел за часом. Понимая, что уже достаточно поздно, я все же молчал, ни в коей мере не желая выказать неблагодарность в ответ на гостеприимство и радушие. Спать не хотелось — сказывался долгий сон накануне, но, подобно остальным смертным, меня охватывала тревога в этот поздний час, приходящая к каждому так же неминуемо, как отлив неумолимо сменяется приливом. Говорят, что почти все смертельно больные умирают перед рассветом либо во время прилива. Многим доподлинно понятна и известна справедливость моих слов. Совершено неожиданно тишину ночи разорвал пронзительный крик петуха, громко прозвучавший в холодном предутреннем воздухе. Граф, вскочив на ноги, воскликнул:

— Смотрите-ка, уже утро! Как мне, право, неловко, что я продержал вас с собой всю ночь. В следующий раз вам придется рассказывать о столь дорогой мне Англии менее занимательно, чтобы я не забывал следить за ходом времени.

Любезно поклонившись, Дракула удалился.

Вернувшись к себе в спальню, я отдернул занавески, однако это мало что дало: мое окно выходило во двор, поэтому все, что я мог различить, было лишь быстро светлеющее небо. Задернув их обратно, я сел за описание прошедшего дня.

8 мая. — Просматривая свою тетрадь, я обнаружил, что с каждой страницей становилось все многословнее. Однако, детальное описание событий очень полезно, поскольку что-то необъяснимо таинственное окружает этот замок, заставляя меня томиться и не находить себе места. Мне страстно хотелось бы вовсе не приезжать сюда и жить в своем понятном и безопасном мире. Возможно, мои нервы до некоторой степени расшатало нынешнее ночное существование, но ведь не это главная причина! Встретить бы мне хоть какого-нибудь крестьянина, с которым можно поговорить, — так ведь здесь никого нет, кроме хозяина! Граф, и только граф является единственным моим собеседником! Иногда я с ужасом думаю, что я единственная живая душа в этой мрачной юдоли. Похоже, мне все же следует быть прозаичней: факты, только факты помогут мне совладать с разыгравшимся воображением. Если этого не случится, я пропал. Попробую начать все с начала.

Заснув, я очень скоро очнулся, чувствуя себя вполне бодрым, поэтому сразу же встал. Повесив свое зеркальце у окна, я начал бриться, как неожиданно почувствовал чью-то руку на своем плече и услышал голос графа, говорящего: «Доброе утро». От неожиданного приближения хозяина дома я вздрогнул: странно, ведь в отражении была видна вся комната, и все же он сумел подойти незамеченным. Очевидно, в этот момент рука моя дрогнула, и я слегка порезался, впрочем, сам того не заметив. Ответив на приветствие графа, я повернул зеркало так, чтобы убедиться в своей ошибке и невнимательности. Теперь старик стоял рядом со мной, прямо у меня за плечами, но зеркало его не отражало! Я мог видеть перед собой всю комнату, но она была совершенно пуста, не считая, конечно, меня самого. Это открытие сильно потрясло меня, став еще одним звеном в целой цепи странных событий, происходящих вокруг в последнее время. Скованность, которую я обычно испытывал в присутствии графа, теперь охватила все мое существо. В этот момент я заметил, что порезался и капелька крови стекает по подбородку. Положив лезвие на место, я обернулся в поисках пластиря. Как только Дракула заметил кровь на моем лице, глаза его сверкнули каким-то яростным демоническим пламенем, и он

неожиданно схватил меня за горло. Импульсивно я отпрянул назад, и рука его скользнула вниз, затронув кожаный шнурок подаренного мне распятия. Это его мгновенно охладило, а ярость столь быстро улетучилась, что через минуту я уже сомневался, не почудилось ли мне все это.

– Осторожней, – сказал он. – Будьте осторожней, когда бреетесь. В этой стране порезы опасней, чем вы можете себе представить.

Подняв зеркальце, он продолжил:

– Все несчастья из-за этого осколка никчемного стекла – потехи для тщеславных. Прочь его! – воскликнул граф, легким движением своей страшной руки открыв тяжеловесное окно и вышвырнув зеркало, далеко внизу разлетевшееся на тысячи мелких осколков.

Не произнеся больше ни слова, он удалился. Это совершенно ужасно – бриться без зеркала, пользуясь лишь крышкой от часов или несессером, которые, к счастью, металлические.

Когда я вошел в столовую, то увидел там поданный завтрак; графа не было видно. Есть пришлось в одиночестве. Как это ни странно, я ни разу еще не видел его за едой или питьем. Что за непонятный человек! После завтрака я устроил маленькую экскурсию по замку. Дойдя до лестницы, я обнаружил какую-то комнату, выходившую на север. Вид из ее окна открывался чарующий. Замок выстроили на самом краю головокружительного обрыва; камень, брошенный из моего окна, мог пролететь тысячу футов и не наткнуться ни на одно препятствие! Всюду, насколько хватало глаз, простирался зеленый океан, местами голубоватый, а иногда почти черный, где деревья росли по кромке глубоких расщелин. То здесь, то там неожиданно холодным серебром поблескивали тонкие нити – реки, пробивающие себе путь в горных теснинах.

Однако к воспеванию красот я сейчас не расположен, поэтому, изучив окрестности, я продолжил свои исследования: двери, двери, снова двери, они повсюду, все закрыты на огромные железные засовы. Из дома нет выхода, не считая окон. Этот замок являлся настоящей тюрьмой, а я – ее пленником!

Глава 3

Путевой журнал Джонатана Харкера (продолжение)

Убедившись в том, что, сам того не ведая, я попал в положение заключенного, я не мог и не желал подавить в себе приступ бешенства. Я бегал вверх и вниз по лестницам, толкая каждую дверь и выглядывая во все окна; спустя некоторое время на меня обрушилось чувство одиночества и беспомощности. Оглядываясь на эти события через несколько часов, я понимаю, что тогда, должно быть, мой рассудок помрачился, поскольку я носился по замку, точно крыса в ловушке. Утвердившись в том, что пока от меня ничего не зависит, я спокойно – настолько спокойно, насколько мог в создавшемся положении, – сел и начал обдумывать, что теперь следует предпринять. Я в раздумьях до сих пор не пришел к какому-либо решению. Не вызывает сомнений только одно: что бы я не придумал, не стоит посвящать в это графа. Ему прекрасно известно, в какой роли я нынче оказался. Он сам ее мне уготовил, и, надо полагать, на то у него есть свои причины. Выложи я ему все факты напрямую – и он обманет меня. Насколько я понимаю, сейчас мне остается только одно: хранить все свои страхи при себе, а глаза держать широко открытыми. Сейчас напрашиваются два вывода: либо я, подобно ребенку, попал во власть нелепых опасений, либо я действительно стал игрушкой в чьих-то злых руках; если справедливо последнее, то мне потребуется хитрость и весь мой ум, чтобы бежать отсюда.

Не успел я все это обдумать, как тяжелая входная дверь внизу гулко хлопнула, закрывшись за возвратившимся графом. Он не сразу поднялся в библиотеку, поэтому я потихоньку прошел в свою спальню, где и застал аристократа, застилавшего мою постель. Это выглядело более чем странно, но лишь подтверждало мои подозрения: слуг в доме не держали. Когда позже я сквозь щель в двери подглядывал за тем, как тот накрывает стол, я лишний раз убедился в собственной правоте; коль скоро ему приходится заниматься столь прозаичными делами, здесь нет больше никого, кто мог бы это сделать. Я вновь почувствовал страх. Если в замке не держат прислуго, то, наверняка, сам граф исполнял роль кучера, доставившего меня сюда. Ужасная догадка поразила меня: тогда именно Дракула так легко управился с волками, лишь молча протянув вперед руки. Неужели страхи людей в Бистрице и жалось ко мне моих попутчиков имели под собой основания? Что тогда означали распятие, чеснок, цветы шиповника, рябина? Господи, благослови ту безгрешную добрую женщину, что повесила мне на шею крестик! Стоит мне до него дотронуться, как меня тут же наполняют уверенность и покой. Как странно, что вещь, в которой с раннего детства меня учили видеть идолопоклонство, в минуты несчастья и одиночества дает мне столько сил! Что заключено в этой безделушке? Быть может, она и есть тот проводник, что сообщает нам утешение и благодать? Как-нибудь на досуге стоит об этом поразмыслить. А пока мне следует как можно больше разузнать о графе Дракуле. Кто знает, а вдруг тогда я сумею ясно понять, в какую передрягу попал. Сегодня вечером надо повернуть разговор так, чтобы он рассказал о себе. Но нельзя забывать об осторожности – не приведи Господь тому что-либо заподозрить.

В полночь. – Беседа с графом была длинной. Я задал ему пару вопросов об истории Трансильвании, и тот с радостью пустился в рассказ. Его повесть о людях, событиях и особенно о сражениях звучала так ярко, что складывалось впечатление, будто он сам принимал в них участие. Позже он объяснил, что у бояра часть его рода и дома принадлежит только ему, в то время как величие побед и промысел судьбы достается в равной степени всем соплеменникам. Стоило графу начать рассказ о собственном доме, как он, подобно королю, заговорил о себе во множественном числе. Как жаль, что я не могу предельно точно передать его речь, поскольку она более чем примечательна. В ней уместилась вся история страны. По мере рассказа он рас-

палялся все больше, беспокойно измеряя комнату широкими шагами; его белые усы развеивались, а рука, стоило ей на что-нибудь опуститься, тут же сжимала предмет, словно ее переполняло яростное желание крошить. И все же одну часть его рассказа я постараюсь передать почти дословно; в ней он говорит об истории своего народа.

«Нам, секлерам, есть чем гордиться, поскольку в жилах наших течет кровь многих отважных племен, подобно львам, бесстрашно сражавшихся за господство. Сюда, в водоворот европейской расы, угорский народ принес из Исландии воинственный дух, доставшийся ему от древних богов Тора и Одина, и берсеркеры пустились на покорение побережья нашего континента, да и не только его, но и Азии, и Африки; и многие тогда поверили, что сами оборотни пришли на их землю. Ворвавшись в эти горы, они встретили на своем пути гуннов, чье свирепство в бою выжигало под ними землю; оно жило в них, корнями уходя в род ведьм, изгнанных однажды из скифских степей и сошедшихся в пустыне с демонами. Глупцы, глупцы! Какие ведьмы и какие демоны сравнятся в своем величии с Аттилой, чья кровь и поныне питает наши вены? Стоит ли удивляться, что мы орда завоевателей; что мы горды; что, когда мадьяры, ломбарды, авары, булгары и турки черными тучами обступали наши границы, мы легко гнали их прочь? Неужели странно, что, когда легионы Арпада смерчем прошлись по родине древних венгров, у самой границы они нашли наше племя, и здесь завершился Гонфоглалас? И что, когда венгерский поток хлынул дальше к востоку, секлеров признали наследниками победоносных мадьяр, и им навеки доверили охрану рубежей от османских полчищ? Ведь и сейчас турки говорят о нас: „Скорее заснет вода, чем враг“. Кто из Четырех Наций охотнее нас добивался „кровавого меча“ и по первому же зову вставал под знамена короля? Кто смоет великий позор с моего народа, позор Кассовы, покорно сложившего флаги валахов и мадьяр перед крестом? Но кто, как не мой соплеменник Воевода, переплыл Дунай и разбил турок на их собственных землях! Он тоже был Дракула. Кто, как не его недостойный брат, проиграв битву, продал своих людей туркам, наложив тем самым позор рабства на свой народ! Но ведь его же потомок снова и снова пересекал со своим войском великую реку, мстя иноверцам за поруганную честь, до тех пор, пока однажды не вернулся с полей, оставвшись последним, единственным победителем! Говорят, он думал только о себе. И что ж! Что может стадо крестьян без вожака? Чем кончится война, если у войска нет ни ума, ни сердца? Позже, когда в битве при Могаке мы скинули венгерское иго, Дракулы посыпали людей вперед, желая свободы себе и своему племени. Да, молодой человек, Дракулы – кровь, мозг и меч секлеров – могут гордиться своей историей в большей степени, чем всякие Габсбурги и Романовы, повылезавшие, словно грибы после дождя. Эра боев и побед уже позади. В наши дни бесчестного мира кровь – самая большая ценность. Вот мой рассказ о великих расах и былой славе».

Уже светало, и мы разошлись спать (дневник мой ужасно напоминает начало «Тысячи и одной ночи», поскольку на самом интересном месте звучит крик петуха... Или он как повесть отца Гамлета?).

12 мая. – Начну с фактов – чистых, сухих фактов, подтвержденных книгами и лицами, не вызывающими сомнений. Здесь не будет ничего, что вытекало бы из моих собственных наблюдений и умозаключений. Прошлым вечером, когда пришел граф, он начал задавать вопросы относительно юридической стороны нашего дела и о прочих скучных вещах. Целый день я трудился над справочниками и, чисто для того чтобы чем-нибудь себя занять, углубился в изучение поднятых мною ранее вопросов. Несомненно, в расспросах графа кроется определенный замысел, поэтому надо постараться воспроизвести их в точной последовательности. Возможно, когда-нибудь мне это пригодится.

Прежде всего он поинтересовался, может ли британский подданный иметь сразу двух, а то и больше адвокатов. Я сообщил ему, что при желании их можно нанять даже дюжину, однако, по моему мнению, задействовать в одной сделке несколько стряпчих неразумно,

поскольку это будет препятствовать соблюдению его интересов. Заявив, что это ему понятно, граф продолжил, спросив, не возникнет ли практических препятствий, если поручить одному человеку, скажем, работу с банковскими счетами, другому – отгрузку и так далее. Я попросил пояснений, чтобы избежать недопонимания, и тогда тот продолжил:

– Приведу вам пример. Наш общий друг, мистер Хокинс, в своем прекрасном кабинете в Экзетере, находящемся далеко от Лондона, с вашей помощью совершает для меня купчую на недвижимость в столице. Хорошо! Теперь позвольте мне быть откровенным, чтобы не осталось двусмысленности в том, что я прибегаю к услугам человека, живущего так далеко от интересующего меня места: я полагаю, что только незаинтересованная персона сможет руководствоваться исключительно моими желаниями; поскольку житель Лондона, возможно, будет иметь на уме собственную выгоду, я предпочел в провинции найти агента, который будет действовать лишь мне на благо. Теперь мне, занятому множеством дел, предстоит отправить груз, к примеру, в Ньюкасл, Дарем, Харидж или Дувр; не проще ли будет поискать помощника в одном из этих городов?

Я ответил безусловным согласием, коль скоро существует сеть агентств, по цепочке передающих работу друг другу, чтобы локальное задание выполнялось в определенном месте, в то время как клиент, просто поручив себя заботам одного человека, впоследствии не утруждается общением с массой других людей и уверен в том, что дело оформят в полном соответствии с его желанием.

– Но смогу ли я тогда по собственному желанию управлять ходом событий?

– Разумеется; именно так часто поступают бизнесмены, не желающие предавать огласке свою деятельность.

– Отлично! – довольно воскликнул тот и углубился в подробности консигнационной отправки грузов и выписки накладных, а также в обсуждение всяческих осложнений, которых при тщательном анализе можно избежать.

С предельным усердием я растолковал ему все эти аспекты, и он, несомненно, закончил беседу, уверенный, что из него получился бы замечательный адвокат – ведь не осталось ни одного вопроса, о котором бы он не подумал и не позаботился. Для человека, никогда не бывавшего в моей стране, не слишком утомлявшего себя скучными делами и не имевшего соответствующего образования, познания его, надо признаться, действительно поражали. Получив удовлетворение по полной программе, он встал и неожиданно спросил:

– Скажите, не писали ли вы писем, не считая первого, нашему другу Питеру Хокинсу или кому еще?

Не без горечи в сердце пришлось мне ответить, что не писал, поскольку до сих пор не имел возможности сделать отправление.

– Тогда, мой юный друг, сделайте это сейчас, – произнес он, положив свою тяжелую руку мне на плечо. – Напишите нашему другу и вообще кому сочтете нужным, что останетесь здесь на месяц, если, конечно, не возражаете.

– Вы хотите, чтобы я пробыл здесь так долго? – удивился я, и сердце мое похолодело от этого предложения.

– Да, я настаиваю на своем приглашении и отказа не приму. Когда ваш хозяин, или начальник – как угодно, – прислал вас вместо себя, очевидно, тем самым имелось в виду ваше полное содействие моим желаниям. В свою очередь и я не поскупился, не так ли?

Что оставалось мне делать, как не кивнуть в знак согласия? Здесь вмешивались интересы мистера Хокинса, а посему я вынужден был забыть о собственных чувствах. Кроме того, в голосе графа, в его взгляде сейчас явно чувствовалась угроза, живо напомнившая мне, что я здесь по сути на правах заключенного и что выбора у меня нет. В моем кивке Дракула ощутил поражение, а по несчастному выражению лица он ясно понял, кто здесь хозяин положения, тут же использовав мою вынужденную покорность самым безжалостным образом:

— Умоляю, мой добрый друг, в своих письмах не уклоняться от деловой линии. Разумеется, вашим приятелям будет интересно узнать, что вы в полном здравии и с нетерпением ждете встречи с ними; но не более того, договорились?

Дав эти инструкции, он протянул три листа бумаги и три конверта. Все письменные при надлежности были выполнены из тонкой заграничной бумаги. Глядя то на них, то на графа, в улыбке обнажившего свои острые тонкие зубы, выглянувшие из-под алых губ, я отлично понимал, что значит нынешняя его усмешка: даже не произнося ни слова, он ясно давал понять, что мне следует писать предельно разумные и взвешенные вещи, ведь так или иначе, но письма мои он прочтет. Таким образом, я вознамерился отделаться формальными записками, но позже втайне выложить все свои соображения мистеру Хокинсу и Мине, ведь ей я мог писать стеноографией, которая, несомненно, озадачит графа, даже если он ее и обнаружит. Написав два письма, я тихо сел с книгой в руках, в то время как граф сам делал какие-то записи. Закончив, он взял оба моих конверта, сложил их вместе со своими и, оставив стопку возле чернильницы, куда-то вышел. Как только дверь за ним захлопнулась, я тут же наклонился вперед и стал перебирать конверты, лежавшие адресами вниз. Поступая столь бесчестно, я все же не колебался ни минуты, поскольку в сложившихся обстоятельствах каждая возможность протеста представлялась удобной и приемлемой.

Первое письмо адресовалось Сэмюэлю Ф. Биллингтону, 7, Кресцент, Уитби; второе — господину Лейтнеру, Варна; третье — Коуттсу и К°, Лондон; а четвертое — господам Клопстоку и Биллреуту, банкирам, Будапешт. Второе и четвертое письма оказались незапечатанными. Я уже потянулся за ними, как вдруг увидел, что дверная ручка поворачивается. Наскоро придав стопке первоначальный вид, я прыгнул обратно в кресло и схватил в руки книгу. В то же мгновение в комнату вошел граф, державший в руке еще одно письмо. Придвинув к себе остальные конверты, он аккуратно их запечатал, потом обернулся ко мне и заметил:

— Надеюсь, вы простите меня, но сегодня мне необходимо сделать несколько важных вещей, поэтому не смею вас более задерживать. Полагаю также, что в мое отсутствие вы найдете себе все, что необходимо, чтобы не скучать.

Уже в дверях он помедлил, обернулся и после минутного колебания добавил:

— Дорогой друг, позвольте старику дать вам один совет — нет, предупредить вас со всею серьезностью: случись вам оставить ваши комнаты и устроиться на ночь где-нибудь еще, и тогда распрошайтесь со спокойными снами. Этот замок очень стар, в нем живут воспоминания, а дурные сны подстерегают тех, кто бежит от своей постели и поступает наперекор благородству. Помните об этом! Как только почувствуете приближение сна, поспешите в свои покой, и тогда ваш отдых ничто не омрачит. Но если вы все же не проявите должной осторожности, то...

Его речь оборвалась на отвратительнейшей ноте, и граф сделал жест, будто умывает руки. Дальнейших объяснений не потребовалось. Единственное, в чем я сомневался, было: неужели самый жуткий кошмар может сравниться с ужасающей чередой сверхъестественных, мрачных тайн, проходящих мимо меня?

Позже. — Я отвечаю за каждое написанное слово, и теперь сомнений не испытываю. Мне не страшно заснуть в любом месте, где нет его. Я укрепил распятие в изголовье кровати; мне кажется, так мои сны станут еще спокойней. Пусть оно там и останется.

Когда хозяин ушел, я вернулся в свою комнату. Немного погодя я внимательно прислушался и, не услыхав ни единого звука, тихо вышел на каменную лестницу, чтобы оттуда начать исследование южного крыла. В воздухе разливалась какая-то необъяснимая свобода, от которой, впрочем, мне — пленнику мрачного чертога — было мало прока. Вглядываясь в темный двор, я действительно чувствовал себя узником; казалось, я задыхаюсь в этой ночи. Мой нынешний образ жизни, несомненно, дает о себе знать, разрушая нервную систему. Я уже вздрагиваю при виде собственной тени, повсюду меня одолевают кошмарные видения. Бог его

знает, есть ли реальные основания под моими страхами, взлелеянными этим зловещим местом! Яркая луна янтарным светом заливала окрестные леса, и я вглядывался в сумерки, насколько хватало сил. Рассеянная дымка смазывала дальние хребты, а тени в долине и ущельях окрашивала бархатным черным цветом. Казалось, будто сама красота питает меня, наполняя душу миром и покоем с каждым новым вздохом. Склонившись у окна, я внезапно заметил какое-то скользящее пятнышко бесконечно далеко внизу. В ту же минуту краем глаза я уловил моментальное движение слева, там, где по моим предположениям располагались покой графа. Окно, в нише которого я стоял, было высоким, с каменным наличником, и, несмотря на явную изношенность кладки, все еще целым. Спрятавшись за его выступом, я осторожно огляделся.

То, что я увидел, было головой хозяина дома, высунувшегося наружу. Лица я не видел, но все же человек легко узнавался по шее и движениям спины и рук. В любом случае, что-что, а уж их-то я точно определил после многочисленных возможностей изучения. Поначалу его поза меня заинтересовала и позабавила (как мало, однако, нужно узнику для удовольствия!). Но вскоре чувства мои сменились ужасом, когда я заметил, что теперь вся фигура вылезла из окна и начала медленно спускаться по стене навстречу темной бездне *головой вниз!* Плащ его бился на ветру, подобно гигантским крыльям. Я не верил своим глазам. Я отчаянно цеплялся за надежду, что это всего лишь причудливая игра теней и зыбкого лунного света. Продолжая пристально вглядываться, я вскоре отказался от самообмана. Я отчетливо видел, как цепкие пальцы рук и ног обхватывают каменные выступы в тех местах, где дождь и ветер долгие годы трудились над цементным раствором. Фигура продвигалась вниз со скоростью ящерицы, ползущей по стене.

Что это за человек или что это за существо в человечьем обличии? Я чувствую, как ужас охватывает меня ледяной волной. Я в страхе – я в диком страхе, и для меня нет выхода. Я парализован увиденным кошмаром и просто не осмеливаюсь думать о...

15 мая. – Я снова видел графа, ползущего, словно ящер, по стене. Он спускался вниз, одолел добрую сотню футов, а потом еще долго карабкался куда-то влево. В конце концов он проскользнул в какую-то дырку или окно. Как только он засунул внутрь голову, я сразу же выглянул, чтобы рассмотреть как можно больше, однако попытка эта ни к чему не привела: расстояние было слишком большим, а угол обзора очень неудачным. Теперь, когда хозяина замка нет, я намерен осмотреть все закоулки, к которым не осмеливался приближаться в его присутствии. Я вернулся в свою спальню за лампой, а потом попробовал толкать все двери. Как я и ожидал, они оказались запертыми, причем замки на них были установлены относительно новые. Не успокоившись на достигнутом, я спустился по лестнице в холл. Там я выяснил, что без особых затруднений могу отвинтить болты и снять заграждающие дорогу цепи; но сами двери оказались закрытыми, а ключи исчезли вместе с хозяином в неизвестном направлении! Но вдруг они все же у графа в комнате? Надо проверить, закрыты ли его покой – может статься, я сумею бежать. Я тщательно исследовал все лестницы и пролеты, попробовал каждую дверь на них. Одна или две небольшие комнаты рядом с холлом оказались не заперты, но ничего интересного в них не нашлось, кроме старой мебели с пыльной обивкой, местами побитой молью. После долгих и тщетных поисков я все же обнаружил в самом конце лестницы одну дверь, которая, хоть и выглядела закрытой, немного поддалась моему нажиму. Навалившись посильнее, я понял, что на самом деле замка там не было, но за долгие века петли проржавели и осели так, что теперь сама дверь опиралась на пол. Мне представлялась возможность, упустить которую стало бы верхом легкомыслия, поэтому, собравшись со всеми силами, я толкнул ее в третий раз, и та упала. Теперь я находился в той части замка, которая лежала правее моих покоев и, конечно, много ниже знакомого мне этажа. По виду из окна следовало, что это южная сторона; окна в дальнем конце комнаты выходили на юг и на запад. Внизу со всех сторон шел отвесный обрыв. Замок выстроили на углу высокого утеса, поэтому с трех сторон

он оказался совершенно неприступным и отлично защищенным от пращи, стрел и катапульт. С запада простиралась огромная долина, а за ней высилось нагромождение гор и скал, местами поросших рябиной и терновником, чьи цепкие корни крепко держались за каменные выступы и расщелины.

Очевидно, в незапамятные времена эта часть замка была жилой, поскольку здешняя мебель казалась милей и уютней, чем все, что я видел в остальных покоях. Сквозь голые окна луна заливала золотом все вокруг, лучи ее просачивались сквозь стекло и играли всеми цветами спектра на гранях в тех местах, которые еще не окончательно покрыл толстый слой вековой пыли, уже спрятавшей под собой разрушительные следы работы времени и моли. Свет моей лампы тонул и терялся в великолепии мощного потолка, и все же я был рад этому слабому огоньку, не дававшему мне почувствовать страшное одиночество среди этого унылого запустения, холодившего сердце и нервы. Но тем не менее здешняя атмосфера кажется несравненно приятней, чем та, что царит в моей комнате, когда там появляется граф. Взял себя в руки, я наконец-то успокоился. И вот я уже сижу за старинным дубовым столиком, за которым, быть может, скрипела пером какая-нибудь прекрасная дама, задумчиво доверяя бумаге свою печаль и любовь; я стенографирую все события, что пронеслись передо мной с тех пор, как я закрыл свой дневник в последний раз. На дворе жестокий девятнадцатый век, а мне, коль скоро мои чувства не лгут, приходится жить в атмосфере древности, которую не в силах убить окружающая замок современность.

Позже, утром 16 мая. – Господи, молю тебя, не лишай меня остатков разума! Чувство безопасности и уверенности для меня уже в прошлом. Мне, живущему здесь, остается одна забота: не тронуться рассудком, если, конечно, я уже не сошел с ума. Но если рассудок мне все еще не изменил, то это, скорее всего, обязательно случится, ведь, размышляя об ужасах, происходящих в этом адском месте, я невольно прихожу к мысли о том, что граф среди них – наименьшее зло, поскольку пока только он в силах обеспечивать мою безопасность, по крайней мере до тех пор, покуда я ему нужен. Боже праведный, Боже милосердный, дай покоя мне в окружающем безумии! Сейчас я совершенно по-новому начинаю смотреть на знакомые и привычные вещи, и это странно. Нынче я сам, не доверяя больше своей памяти и здравомыслию, прибегаю к единственному свидетелю моих терзаний – к этой тетради. Кроме того, привычка скрупулезно вносить в дневник записи должна сослужить добрую службу и успокоить мой воспаленный рассудок. Предостережение графа, полное тайной угрозы, испугало меня, но теперь, когда я о нем думаю, оно страшит меня еще сильнее. Я издерган так, что боюсь даже усомниться в его словах.

Закончив писать, я положил в карман тетрадь и ручку и тут же почувствовал, как меня клонит в сон. В сознании моем сразу всплыла угроза Дракулы, но я нашел особое удовольствие в неповиновении. Усталость затейливо переплеталась со страхом и упрямством, золотой свет луны успокаивал, а окрестные леса, тянувшиеся до самых гор, дышали свободой. Я твердо решил этой ночью не возвращаться в свою камеру, полную тоски и липкого мрака, а остаться здесь, где в старые времена дамы сидели, пели и предавались светлой печали об ушедших на войну любимых. Передвинув кушетку так, чтобы можно было свободно любоваться восхитительным видом из окна, презрев пыль и страхи, я кинулся в объятия сна.

Должно быть, я отключился моментально – я хочу в это верить; однако последующие события столь пугающие реальны, что теперь, сидя утром в лучах теплого солнца, я не допускаю и мысли о том, что все это мне пригрезилось.

Я был не один. Комната оставалась все той же с тех пор, как я вошел в нее: в свете луны я отчетливо видел собственные следы, отпечатавшиеся на толстом ковре из пыли. В лучах прямо напротив меня стояли три молодые женщины, судя по платьям и манерам, несомненно, леди. Первой мыслью моей стало, что я все еще вижу сон, ведь их призрачные фигуры совсем не

отбрасывали тени. Они придвинулись ближе и принялись молча меня разглядывать, а затем до моих ушей донесся то ли шелест, то ли шепот. Две из них были темноволосы, с орлиными, как у графа, носами и огромными темно-карими глазами, в желтом свете луны казавшимися красивыми. Третья имела светлые волосы, почти белые, тяжелыми волнами искрившиеся и падавшие ей на плечи, и глаза цвета бледных сапфиров. Лицо ее казалось знакомым, но бок о бок с этими смутными воспоминаниями шел безотчетный страх, наполнявший сердце темной тревогой. У всех трех из-под хищных рубиновых губ виднелись жемчужные зубы. Весь вид их внушал тоску и смертельный ужас. Словно монстр из черной бездны, в душе моей поднялось желание ощутить на себе прикосновение их алых губ. Очевидно, дурно писать об этом, ведь однажды эти бумаги могут попасть Мине и ранить ее, — но это чистая правда. Они о чем-то шептали, а потом, словно последний выдох, из них вылетел смех, такой серебристый и легкий, полный неземной музыки, какой не смог бы воспроизвести ни один смертный. Светловолосая девушка тряхнула головой, подруги ее торопили:

— Давай же, — сказала одна. — Ты первая, а мы потом. У тебя право начать.

— Он молод и силен, — вторила ей другая. — Его поцелуев хватит на всех.

Я неподвижно лежал, прикрыв глаза и сотрясаясь от вожделения. Первая незнакомка приблизилась и склонилась над моим телом так низко, что я мог чувствовать ее дыхание. Оно было сладким, подобно меду, вызывая то же желание, что и ее голос; но под сладостью скрывалось что-то другое, похожее на горькое оскорбление, — запах крови.

Я боялся раскрыть глаза, но даже сквозь ресницы отчетливо видел ее фигуру. Белокурая леди опустилась на колени, пожирая меня взглядом. Хищный оскал ее одновременно отталкивал и притягивал; точно животное, она нетерпеливо облизывала губы; алый цвет следовал за белым, а белый за алым в таинственной и сумасшедшей игре. Все ниже и ниже склонялась она надо мной, в миллиметре проскользая над моими губами и подбородком, останавливаясь на шее и сгорая от томительного нетерпения. Я слышал ее горячее дыхание у моего горла, я видел ее острые клыки. Кожу мою начало покалывать, как это бывает, когда кто-то грозит защекотать тебя до смерти и подносит свою руку все ближе и ближе. От мягкого касания губ по коже шел мороз, зубы слегка давили на шею; я закрыл глаза, предавшись тяжелому экстазу, и лишь сердце мое гулко билось в возникшей напряженной тишине.

В то же самое мгновение меня поразила мысль, подобно молнии, вспыхнувшая в моем сознании. Каждой клеткой своей я почувствовал присутствие графа, обураваемого безумной яростью. Невольно я раскрыл глаза и взглядел уперся в его сильную руку, сжимавшую бледную шею блондинки, глаза которой теперь сверкали злобой, зубы оскалились, а на щеках играл лихорадочный и страстный румянec. Но граф! Столько бешеного неистовства не смог бы вместить в себя ни один демон из преисподней. Глаза его горели огнем, который шел не столько из глубины души, сколько из самого ада. Лицо его покрывала мертвенная бледность, черты ожесточились: брови, смыкавшиеся на переносице, отливали металлическим блеском. Заключив девушку в свои страшные объятия, он оторвал ее от моего ложа, а затем шагнул к ее сестрам, наступая на них, силой взгляда нанося им удары и заставляя ретироваться; тот же самый прием я уже видел при встрече с волками. Тихо, почти шепотом, он воскликнул, и слова его, казалось, точно стрелы, рассекали воздух:

— Как смели вы до него дотронуться! Как осмелились вы взглянуть на него, когда я вам это запретил? Назад, я приказываю вам. Этот человек мой! Сторонитесь его, иначе будете иметь дело со мной.

Светловолосая, злобно и одновременно кокетливо рассмеявшись, бросила в ответ:

— Ты сам никогда не любил, никогда!

Подруги ее согласно закивали, и по комнате раскатился тяжелый, бездушный и мертвый смех, чуть было не ставший причиной моего обморока; так могут смеяться только дьяволы, но не люди. Внимательно на меня посмотрев, граф снова обернулся к ним и тихо прошептал:

— Я тоже умею любить; вы это знаете сами, не так ли? А теперь я обещаю вам, что как только с ним покончу, вы сможете целовать его целую вечность. Сейчас идите. Прочь! Я должен его разбудить и закончить начатое.

— Неужели этой ночью нам ничего не достанется? — спросила горбоносая красавица, низко рассмеявшись и жестом указав на сумку, которую раньше граф швырнул на пол.

Та двигалась, словно в ней сидело что-то живое. В ответ граф лишь молча кивнул. Одна из женщин прыгнула к сумке и тотчас ее открыла. Если только слух не подвел меня, оттуда раздался тихий и слабый плач, какой может издавать лишь сонный ребенок. Бестии столпились вокруг, ужас сковал меня, и я невольно закрыл глаза, а когда открыл их вновь, те уже исчезли вместе со своей страшной ношей. Поблизости не было дверей, а мимо меня они точно не проходили. Казалось, они просто растворились в лучах луны и дымкой вытекли в окно, за стеклом которого я еще мгновение различал их смутные призрачные очертания.

Ужас окончательно овладел мною, и я впал в забытье.

Глава 4

Путевой журнал Джонатана Харкера (продолжение)

Проснулся я в собственной постели. Должно быть, граф сам перенес меня сюда. Я пробовал собраться с мыслями, но все они растекались, оставляя в душе лишь тоску и томительное неведение. И все же вокруг я заметил свидетельства того, что этой ночью я точно не сам улегся в кровать: одежда моя лежала рядом, сложенная так, как я этого никогда не делал; часы стояли, хотя я привык заводить их перед сном, и много еще подобных мелочей. Однако все это нельзя признать очевидными доказательствами, что сознание мое не сыграло со мной страшную и злую шутку. Мне нужны улики. Остается радоваться только одному: если это граф принес меня сюда и раздел, то он, по счастью, спешил – содержимое моих карманов осталось нетронутым. Мой дневник, несомненно, вряд ли оставил бы его равнодушным. Разумеется, он забрал бы его с собой или попросту уничтожил. Оглядывая теперь свою комнату, все еще полную страхов и загадок, я воспринимаю ее как убежище, в котором я могу спрятаться от тех кошмарных женщин, которые хотели – которые хотят напиться моей крови.

18 мая. – Я снова спустился в ту комнату, чтобы рассмотреть ее при свете дня. Я должен знать правду. Толкнув дверь на лестнице, я обнаружил, что она заперта. Кто-то захлопнул ее с такой силой, что часть деревянного косяка треснула и отвалилась. Тем не менее засов оказался не задвинут – что-то подпирало ее изнутри. Боюсь, то все же был не сон...

19 мая. – Несомненно, я в ловушке. Прошлым вечером граф самым обходительным образом попросил меня написать три письма, в которых говорилось бы, что моя работа почти завершена; в первом он просил меня указать, что я выезжаю домой через несколько дней, во втором – что я отправляюсь следующим утром, а в третьем – что я уже покинул замок и прибыл в Бистрицу. Вся моя сущность противилась этой лжи, но восстать против графа в сложившихся обстоятельствах было бы полным безумием. Я все еще весь в его власти; отказать – значило возбудить его подозрения и навлечь на себя гнев. Ему известно, что я знаю слишком много, что я опасен и в живых меня оставлять нельзя. Единственным шансом для меня остается тянуть время. Быть может, случится еще что-нибудь, что поможет мне бежать. В глазах его ясно читалась решимость, когда он давал обещание белокурому приведению. Дракула объяснил мне, что почтовые кареты здесь столь малочисленны и ненадежны, что, написав сразу три письма, я позволю друзьям не беспокоиться и фактически никого не обману. Он заверял меня, что все письма, кроме последнего (на случай, если я решу задержаться), будут отправлены в нужный срок из Бистрицы, так убедительно, что мои возражения, несомненно, породили бы подозрения. Притворившись, будто вполне довolen его объяснением, я спросил, какие числа поставить на письмах. Подумав с полминуты, он продиктовал:

– Первое датируйте двенадцатым июня, второе – девятнадцатым, а третье – двадцать девятым.

Вот я и узнал отпущененный мне срок. Господи, помоги!

28 мая. – У меня появилась возможность бежать или по крайней мере отправить домой весточку. Табор *иган* завернул в замок и расположился у нас во дворе. Эти *игане* (о них я читал в атласе) – прелюбопытный местный народ, родственный обычным цыганам, встречающимся всюду по свету. Тысячи их живут в Венгрии и Трансильвании вне закона. Как правило, они прибывают к какому-нибудь знатному лицу, *бояру*, и кличут себя по его имени. Они

сумасброды и безбожники, у них есть лишь суеверия, и говорят они на одном из романских наречий.

Я напишу несколько писем в Англию и попробую попросить их отправить мои послания. Чтобы завязать знакомство, я уже разговаривал с ними через окно. Они почтительно сняли шляпы и резво принялись жестикулировать, причем знаки эти были понятны мне не больше, чем их языки.

Я написал: Мине – стенографией, а в записке Хокинсу была лишь просьба связаться с Миной. Ей я объяснял, в какое попал положение, но не упоминал всех кошмаров, что случились со мной здесь, поскольку это могло прозвучать крайне невероятно. Открыть ей сердце – значит шокировать и испугать до смерти. Даже если письма не будут отправлены, граф все равно не узнает мою тайну и то, как много мне известно...

Я отдал письма: кинул их через щель в окне вместе с золотом и знаками объяснил, что хочу их отправить. Человек, подобравший конверты, прижал их к груди и поклонился, а потом спрятал бумаги у себя в шляпе. Большего я сделать не мог. Вернувшись в кабинет, я принялся за чтение. Поскольку граф не появлялся, я начал писать эти строки...

Граф пришел. Он сел рядом со мной и по-кошачьи мягко протянул мне два конверта.

– Цыгане передали мне это. Не знаю, что это за письма, но я о них позабочусь. Смотрите! Одно от вас моему другу Питеру Хокинсу, другое, – он вскрыл конверт, наткнулся на странные знаки, помрачнел и сверкнул глазами, – отвратительные каракули, плевок на дружбу и гостеприимство! Оно не подписано. Ну что ж! Ведь для нас это мало что значит?!

Он очень изящно подвинул второе письмо к пламени светильника, и огонь уничтожил бумагу. Дождавшись, когда та рассыпалась в прах, он продолжил:

– Письмо Хокинсу, разумеется, я отправлю по адресу, ведь оно ваше. Ваша переписка для меня священна. Простите мне, мой друг, что я по незнанию вскрыл печать. Не заклеите ли вы его снова?

С учтивым поклоном он протянул мне чистый конверт. Мне оставалось лишь молча переписать адрес и вручить его графу. Как только он закрыл за собой дверь, я услышал, как тихо щелкнул замок. Минутой позже я подошел к двери и обнаружил, что она заперта на ключ.

Пару часов спустя граф вернулся в мои покой, тем самым меня разбудив, поскольку я уже успел заснуть, лежа на диване. Он был сама любезность и приветливость. Заметив, что я сонно моргаю, он спросил:

– Мой друг, вы устали? Ступайте в кровать. Сон – лучший отдых. Боюсь, сегодня вечером я не смогу составить вам компанию – мне предстоит много труда. Но вы спите, прошу вас.

Я ушел к себе в спальню и, как это ни странно, проспал без сновидений. В отчаянии есть свои хорошие стороны.

31 мая. – Проснувшись поутру, я решил немедленно переложить бумагу и конверты из саквояжа себе в карман, чтобы попробовать написать снова, как только представится подходящий случай. Но опять меня ждал то ли сюрприз, то ли шок.

Не осталось и клочка бумаги, а вместе с ней исчезли и все мои документы, расписания поездов, аккредитив – словом, все, что могло пригодиться вне замка. В оцепенении я просидел несколько минут, а затем решил обыскать свой бумажник и гардероб.

Дорожный костюм, равно как и плащ, и плед, исчезли бесследно и безвозвратно. Такой подлости я никак не ожидал.

17 июня. – Сегодня утром, проснувшись и пытаясь прийти в себя, я услышал дробь копыт, стучавших по булыжнику во дворе. Радостно кинувшись к окну, я увидел, как в замок въезжают два больших ляйтэрвагона, каждый с восьмеркой отличных лошадей в упряжи, с кучерами – словаками в широкополых шляпах, грязных накидках, высоких сапогах и с огром-

ными подбитыми ремнями. В руках они держали длинные посохи. Я бросился к двери в надежде спуститься в главный холл, который, быть может, для них открыли. И снова потрясение: моя дверь заперта снаружи.

Подбежав к окну, я принял кричать. Те подняли головы и тупо на меня уставились. В это время *гетман* цыган приблизился к ним, что-то сказал, и все рассмеялись. После этого никакие мои усилия, жесты, знаки, крики и вопли агонии уже не помогали. На меня никто не смотрел. В *лейтервагонах* оказались громадные ящики с ручками из толстых канатов. Легкость, с которой словаки их выгружали, и характерный гулкий стук указывали на то, что они пусты. Когда все содержимое повозок выгрузили и составили в углу двора, цыгане дали словам денег, те плонули на них на счастье, лениво повернулись и поплелись к своим лошадям. Спустя немного я услышал, как свист их хлыстов тает где-то вдали.

24 июня, на рассвете. – Вечером граф рано меня покинул и заперся в своих покоях. Набравшись смелости, я выбежал на лестницу и посмотрел в окно, выходившее на юг. Я намеревался следить за графом, поскольку нынче происходит что-то важное. Цыгане расположились где-то в самом замке и выполняют какую-то работу. Я знаю это наверняка, поскольку слышу приглушенный стук то ли мотыги, то ли лопаты; но что бы там ни было, это должно означать лишь завершение какого-то бесчеловечного замысла.

Простояв у окна с полчаса, я заметил, как что-то движется в окне у графа. Я наклонился пониже и стал внимательно смотреть, вскоре увидев полностью всю фигуру. Меня поджидал еще один сюрприз: на нем был дорожный костюм, в котором я сюда приехал, а за плечами та ужасная сумка, что женщины унесли с собой в памятную мне ночь. Сомневаться в увиденном не приходилось. Вот он, коварный его замысел: в городе увидят, как «я» отправляю письма; местные опознают меня, и у графа будут развязаны руки делать со мной все, что заблагорассудится.

Я впадаю в ярость от этой мысли; я заперт здесь, подобно узнику, и нет закона, который мог бы меня защитить, нет прав, которые дают даже преступникам.

Я решил дождаться возвращения графа и как прикованный долго сидел на своем посту, когда вдруг начал замечать какое-то серебристое поблескивание в свете луны. Это было похоже на танец пылинок в луче: они то кружились, то собирались вместе в сгустки, то опять разлетались. Отрешенно следя за их движением, я погрузился в спокойное и умиротворенное состояние. Откинувшись глубже на подоконник, я устроился поудобней и всецело предался чарующему зрелищу.

Неожиданный низкий и протяжный вой собаки где-то далеко в долине заставил меня вздрогнуть. Казалось, сквозь уши звук проникал в мое тело; ему вторила лунная пыль, начавшая принимать какие-то смутные формы и очертания. Инстинктивно я заставлял себя немедленно проснуться, но этому противилась душа, а чувства молили ответить на темный зов. Я был словно под гипнозом! Быстры и быстры искрился водоворот; лучи, пройдя через меня, преломлялись в этом бурном потоке и исчезали во мгле. Пыль прибывала с каждой секундой, и вскоре в ней начали проступать расплывчатые образы. Я вздрогнул, совершенно проснулся и сбросил с себя паутину сна. Закричав, я бросился прочь от страшного места. Образы, явившиеся мне в ночи, постепенно и неуклонно материализовывались из лунного света, принимая формы трех подруг из моего прошлого кошмара. Закрывшись в своей комнате, я почувствовал относительную безопасность: сюда не проникали колдовские лучи, а на столе ярко горела лампа.

Прошла пара часов, прежде чем я услышал какую-то возню в комнате графа: это было похоже на сдавленный крик; затем установилась тишина, глубокая, ужасная, пробиравшая до костей. Сердце прыгало где-то в горле. Я подошел к двери, но в который раз вынужден был

смириться с ролью пленника – ее удерживал засов, с которым я ничего не мог сделать. Оставалось лишь сесть и разрыдаться.

Сидя, я услышал шум во дворе – безумный крик женщины. Я бросился к окну и устремился в черноту. Внизу действительно стояла растрепанная крестьянка, отчаянно прижимавшая руки к сердцу. Словно после долгого бега, она обессиленно прислонилась к каменным воротам. Увидев в окне мое лицо, она злобно завопила: «Чудовище, отдай мне мое дитя!» Она рухнула на колени, протянула ко мне руки и зарыдала, разрывая мне сердце. Несчастная рвала на себе волосы, била кулаками в грудь, отдаваясь полностью буре жестоких чувств. Наконец женщина упала, и хотя я не видел ее больше, до меня все еще долетали стуки ее ладоней о тяжелую непрступную дверь.

Где-то высоко над моей головой раздался голос графа, в котором явственно звучал металл. Крик его разнесся далеко в ночи, и ему вторили сотни волчьих глоток. Несколько минут спустя эти исчадия ада, словно вырвавшись на свободу, появились внизу во дворе.

Мать уже не кричала, и только животные яростно и коротко взвизгнули. Вскоре они уже спешили обратно, облизывая окровавленные пасти. В сердце моем не было жалости к женщине, поскольку я знал, что случилось с ее ребенком, и понимал, что смерть – лучший для нее выход.

Что мне делать? Что я могу сделать? Как бежать мне от ночи, колдовства и страха?

25 июня, утром. – Лишь только тот, кто страдал и терзался ночью, может понять, сколь дорог глазу и сердцу утренний свет. Как только солнце поднялось достаточно высоко, чтобы лучи его упали на ворота против моего окна, я почувствовал себя так, словно увидел не солнечного зайчика, а райскую голубку, посланную мне в утешение. Все страхи упали с меня, подобно истлевшему ру比щу. Необходимо что-нибудь предпринять, покуда день дает мне силы и храбрость. Вчера вечером было отправлено мое фиктивное письмо, первое из тех трех роковых, что должны стереть всякий след моего существования.

Надо подумать. Действовать! Ночами я слеп и напуган, пребываю в опасности или кошмарах. Я ни разу еще не видел графа днем. Неужели он спит, когда все добрые люди просыпаются? Вот бы попасть в его комнату! Но это невозможно – его дверь всегда заперта.

И все же есть один способ туда проникнуть, если набраться смелости. Ведь где прошел один, там пройдет караван. Я лично видел, как Дракула выползает из окна. Почему бы и мне не попробовать так же? Шансы мои невелики, но велико мое желание. Я все же рискну. В худшем случае меня ждет смерть. Кто его знает, что ждет меня после смерти. Да поможет мне Бог! Прощай, Мина, прощай, мой нежный и преданный друг, прощай и весь мир!

Этим же днем, позже. – Я сделал то, что хотел, и с Божьей помощью целым и невредимым вернулся в свою комнату. Надо изложить все до мельчайших подробностей и по порядку. Покуда решимость меня переполняла, я быстро вышел к южному окну и ступил на узкий бордюр, опоясывающий все здание. Каменная кладка оказалась грубой, а дожди местами вымыли весь раствор. Я снял ботинки и двинулся вперед. Однажды я опустил глаза вниз, чтобы убедиться, что, увидев внезапно пропасть под ногами, не свалюсь замертво от страха. Однако впоследствии я решил больше не экспериментировать. Расстояние до окна графа было мне хорошо известно, вероятность туда пробраться, хоть и небольшая, все же существовала. Мне не было холодно – сказывалось мое возбуждение, и время пролетело для меня в мгновение ока. И вот я уже стою на подоконнике, пробуя поддеть неподдающуюся раму. Страх переполнял меня, когда я просунул ноги в окно. Поискав взглядом графа, я к радости и удивлению обнаружил, что комната его пуста. Покой были скучно обставлены странного вида мебелью, которой, похоже, никогда не пользовались. По стилю она напоминала ту, что я видел в южном крыле. Ее так же покрывал толстый слой пыли. Ключ не торчал в замке, его нигде не было

видно. Зато в одном из углов я обнаружил целую кучу золотых монет – итальянских, британских, австрийских, венгерских, греческих и турецких; сокровища покрывала все та же вездесущая пыль. Насколько я успел заметить, денегам было никак не меньше трех веков. Поверх них валялись цепочки и прочие украшения, старые и успевшие потерять свой прежний блеск.

В углу комнаты виднелась массивная дверь. Я попробовал ее открыть, так как поиски ключа ни к чему не привели и требовалось дальнейшее изучение этого логова, ведь иначе риск мой оказался бы тщетным. Дверь была открыта. За ней шел темный коридор, выводивший на идущую вниз узкую винтовую лестницу. Приходилось подолгу всматриваться, прежде чем сделать следующий шаг, поскольку ступени более чем скучно освещались лучами, проникавшими в узкие бойницы. В конце лестницы открывался сумрачный переход, или скорее туннель, стены которого пропахли тяжелым зловонием; так пахнет старая земля, которую вдруг перекопали. По мере моего продвижения запах усиливался, становясь почти осязаемым. Наконец я толкнул тяжелую приоткрытую дверь и оказался в старой, полуразрушенной часовне, которую, несомненно, использовали в качестве склепа. Крыша наверху прохудилась, где-то под самым потолком виднелись ступени на стену. Земляной пол совершенно очевидно недавно перелопатали, заполнив почвой те огромные ящики, что привезли сюда словаки. Поблизости никого не было, не нашел я и другого выхода. На всякий случай я внимательно осмотрел каждый дюйм земли. Я заглядывал даже в глубокие щели, хотя сердце мое и трепетало при этом от страха. В два особенно глубоких пролома я даже спустился, но не увидел там ничего, кроме остатков старых гробов и комьев пыли. Но в третьем меня поджидало открытие.

Здесь, в одном из пятидесяти ящиков, на свежевыкопанной земле лежал сам граф! Он либо крепко спал, либо был мертв, точнее определить я затруднялся: широко раскрытые глаза казались каменными, но при этом мертвая пелена их не обволакивала, а через бледную кожу щек сквозил едва уловимый румянец; губы его оставались по-прежнему алыми. Я не заметил ни движения, ни дыхания, ни пульса. Склонившись, я искал хоть каких-нибудь признаков жизни – все тщетно. Он не мог лежать здесь долго, ведь запах могилы улетучился бы за несколько часов. Рядом с ящиком валялась крышка с проделанными в ней то здесь, то там отверстиями. Меня осенило, что ключи могут находиться при нем, но когда я начал поиски, то наткнулся на его мертвый взгляд, в котором таилась такая ненависть (хоть он и не мог меня видеть), что я поспешил подальше от этого гибкого места. Я покинул комнату графа все через то же окно. Вернувшись к себе в покой, я, тяжело дыша, упал на кровать и постарался собраться с мыслями...

29 июня. – Сегодня отправлено последнее мое письмо. Граф приложил все усилия к тому, чтобы все выглядело максимально достоверно: он, как и раньше, покинул свой замок, карабкаясь по стене, словно нетопырь, в моих одеждах. Когда он спускался, я горько жалел о том, что нет у меня ни ружья, ни какого другого оружия, чтобы пристрелить эту гадину. Но я боюсь, что никакое оружие на земле не в силах ему навредить. Поджидать его возвращения я опасался, памятую о недавней встрече с кошмарными сестрами. Засев в библиотеке, я читал, покуда не заснул.

Меня разбудил граф, который настолько мрачно, насколько мог, окинув меня взглядом и сообщил:

– Завтра, любезный друг, мы с вами расстанемся. Вы вернетесь в свою прекрасную Англию, а я – к своей работе, из-за которой, быть может, мы с вами больше никогда не увидимся. Ваше письмо домой уже в пути. Завтра меня не будет, но я все подготовлю для вашего отъезда. Поутру вернутся цыгане – нынче у них какие-то свои дела – и словаки. Как только они уедут обратно, вам подадут карету, которая доставит вас на Боргский тракт, где вы встретите дилижанс из Буковины в Бистрицу. А мне останется лишь надеяться, что когда-нибудь вы вновь приедете погостить в старый замок Дракулы.

Я позволил себе усомниться в искренности его слов; искренность вообще никак не вяжется с таким чудовищем, как этот старик. Пришлось задать ему вопрос напрямик:

– Почему бы мне не поехать сегодня?

– Потому что, дорогой сэр, мой кучер получил задание и отбыл.

– Но я с удовольствием прогулялся бы пешком. Мне хочется уехать как можно скорее.

Он так хитро и многозначительно улыбнулся, что за его словами совершенно очевидно скрывалась какая-то подлость:

– А ваши вещи?

– Это меня абсолютно не волнует. Я могу послать за ними в любое время.

Граф поднялся и удивительно любезно и правдоподобно произнес:

– У вас, англичан, есть пословица, которая мне очень дорога. Она повторяет девиз, по которому живем мы, *бояры*: «Привечай входящего, торопи уходящего». Ну что ж, мой милый юноша, вы не пробудете здесь и часа против вашей воли, хотя меня и огорчил ваш внезапный порыв уехать. Пойдемте со мной!

С мрачным видом, держа в руках лампу, он провел меня вниз по ступеням и через холл. Неожиданно он остановился.

– Послушайте!

Где-то совсем рядом раздался вой множества волков. Создавалось впечатление, будто звук этот возник по мановению его руки, точно огромный оркестр начал играть по взмаху дирижерской палочки. Помедлив пару секунд, он нахмурился и подошел к двери, отодвинул массивные засовы, снял цепь и навалился на нее всем телом. С изумлением я увидел, что дверь не была заперта на ключ.

Как только она поддалась и начала отворяться, вой заметно усилился и стал более злобным; в появившемся зазоре показались красные пасти, хищные зубы и огромные лапы. Я понимал, что в этот момент с графом не совладать. Дверь открывалась все шире, и теперь лишь тело старика защищало меня от безжалостных зверей. Неожиданно я подумал, что именно такая судьба мне и уготована: меня отдадут на растерзание волкам по моему собственному наущению. Такая дьявольская низость казалась очень в духе Дракулы, поэтому в последний момент я закричал:

– Закройте дверь; я остаюсь до утра!

Я закрыл лицо руками, чтобы спрятать набежавшие слезы горького отчаяния. Одним движением мощной руки граф захлопнул дверь, а звон задвигаемых засовов разнесся по всему холлу.

Молча мы вернулись в библиотеку, а минуту-другую спустя я ушел к себе в спальню. Последнее, что я видел, был граф, посылающий мне вслед воздушный поцелуй; при этом глаза его горели красным огнем победителя, а улыбке мог бы позавидовать в ад сам Иуда.

Я собрался было лечь, когда услышал под своей дверью шепот. Потихоньку подкравшись, я прислушался. Если слух меня не подвел, то я точно различил голос графа:

– Назад, назад, по местам! Ваше время еще не пришло. Подождите. Терпение. Завтра ночью, завтра ночью он ваш!

Вслед за этими словами раздался мелодичный смех. Ярость охватила меня, я резко открыл дверь и на пороге застал трех знакомых женщин, вожделенно облизывающих губы. Увидев меня, они дружно расхохотались и бросились прочь.

Я вернулся к себе и упал на колени. Ужели конец мой так близок? Завтра! Завтра! Господи, благослови нас, грешных!

30 июня, утром. – Возможно, это последние слова, которые я доверяю своему дневнику. Я проспал до рассвета, а проснувшись, первым делом принялся за молитву; если смерть близка, я должен себя подготовить.

Наконец я почувствовал, как что-то изменилось в самом воздухе – утро пришло. Раздался долгожданный крик петуха, и я всем телом ощутил безопасность. С легким сердцем я вышел из комнаты и побежал в холл. Зная, что ворота не заперты, я рвался навстречу свободе. Дрожащими от нетерпения руками я снял цепи и отодвинул засовы.

Дверь даже не дрогнула. Отчаяние овладело мною. Я толкал и наваливался, я колотил по доскам, но все, чего я добился, было слабое сотрясение этого бастиона. Очевидно, когда я ушел, Дракула ее запер.

Теперь меня охватило безумное желание любою ценой достать ключи, я был готов снова и снова карабкаться по стене в комнату графа. Он мог убить меня, но сейчас смерть казалась наименьшим из зол. Не теряя ни минуты, я кинулся в восточное крыло и, как и прежде, начал спускаться в хозяйствские покои. Комната его вновь оказалась пуста, как я того и ожидал. В углу громоздилась куча золота, но ключа нигде не было. Через боковую дверь я рванул вниз по винтовой лестнице, пролетел темный туннель и ворвался в старую часовню. Сегодня я точно знал, где найти монстра.

Огромный ящик стоял на своем прежнем месте, рядом со стеной, но теперь его накрывала крышка. Гвозди не были заколочены, но их уже вставили в отверстия, так что теперь оставалось лишь ударить по ним молотком. Вознамерившись обыскать тело ради ключа, я поднял крышку и стащил ее ближе к стене. И в тот же самый момент я увидел такое, отчего в ужасе затрепетала каждая моя клеточка. Внутри лежал граф, таинственным образом наполовину помолодевший: его седые волосы и усы стали теперь темно-серыми, щеки округлились, а кожа приобрела вполне здоровый цвет; губы казались краснее обычного из-за сгустков еще свежей крови на них; следы ее шли от уголков рта, стекая вниз по подбородку к шее. Даже глаза сейчас горели молодым огнем, несмотря на тяжелые мешки и опухшие веки. Теперь я не мог отделаться от впечатления, что все это ужасное создание попросту доверху наполнено кровью. Он очень напоминал отвратительную пиявку, отвалившуюся от жертвы в пресыщении. Дрожь пробирала меня, когда я склонился и дотронулся до его тела, весь организм противился такому контакту с чудовищем, но делать было нечего – либо пан, либо пропал. А если я себя не пересилю, нынешней ночью жуткая троица устроит настоящий банкет из моего собственного тела. Я ощупал всего графа, но ключа нигде не было. Взглянув ему в лицо, я заметил ехидную улыбку, чуть было не лишившую меня разума. И эту нежить я помогал переправить в Лондон, где, возможно, отныне и навеки в многомиллионной толпе он станет тешить свою жажду крови, создавая все новых и новых полудьялов на страх беззащитному человечеству. От этой мысли я сходил с ума. Я страстно желал избавить мир от этого монстра; у меня не было оружия, но в углу валялась лопата, которой рабочие наполняли ящики. Схватив черенок, я замахнулся и резко опустил руку туда, где было его лицо. Но в тот же самый миг голова его повернулась, и на меня уставились глаза, полные ужаса и ярости одновременно. Их взгляд парализовал меня, рука дрогнула, лопата ушла куда-то в сторону, оставив лишь на лбу глубокую царапину, и упала. Наскоро закрыв гроб крышкой, я поспешил спрятать от себя это ужасное существо. Последнее, что я успел заметить, было его обрюзгшее лицо; в уголках окровавленного рта играла ухмылка, а в глазах таилась адская ненависть и злоба.

Я все сидел и думал, что предпринять теперь, но голова моя горела, мысли путались, а душу наполняло отчаяние. Терзания неожиданно прервала цыганская песня; веселые голоса приближались откуда-то издалека, то и дело перемежаясь со скрипом тяжелых колес и грохотом повозки на ухабах. Цыгане и словаки, о которых говорил граф, возвращались. Еще раз оглядев напоследок склеп, я бросился прочь, побежал до комнаты графа и приготовился выпрыгнуть в окно, как только услышу суету у дверей. Однако шаги раздались где-то вдалеке и вскоре замерли в одном из коридоров. Напряженно вслушиваясь, я различил бряцание ключей и грохот открываемой двери. Должно быть, в подземелье ведет еще один вход, и у кого-то есть от него ключи. Я кинулся обратно к боковой двери, чтобы найти этот новый выход, но в то же

мгновение внезапный и мощный порыв сквозняка поднялся из лестничной шахты, взметнул вверх облако пыли, и дверь захлопнулась. Навалившись, чтобы открыть ее, я вскоре понял всю тщетность моей попытки. Злая судьба вновь приготовила мне роль пленника, все больше и больше смыкая вокруг меня свои леденящие объятия.

Сейчас, когда я пишу эти строки, подо мной раздается топот многочисленных ног и грохот передвигаемых тяжестей – тех самых ящиков, наполненных землей. Время от времени я слышу стук молотков – это в крышки вбивают гвозди. А вот шаги уже звучат в холле...

Ворота снова закрыли; я слышал, как звенели цепи, а ключ лязгал в замке. Потом открылась и закрылась еще какая-то дверь.

Тише! По двору, а потом и по каменистой горной дороге снова заскрипели огромные колеса, заглушаемые хором цыган где-то поодаль.

Я остался единственной живой душой в этом замке наедине с теми тремя ужасными женщинами. Тьфу! Мина – вот женщина, а у этих нет совершенно ничего с ней общего. Они – демоны из преисподней!

Я здесь с ними не останусь! Попробую взобраться на стену замка. С собой я захватчу немного золота, быть может, позже оно мне и понадобится. Я верю, должен существовать какой-нибудь выход.

Господи, оказаться бы дома, как можно скорее сесть на ближайший поезд и мчаться прочь из этого проклятого места, проклятой страны, где сам дьявол и его дети ходят по земле!

Божьего милосердия я дождусь скорее, чем жалости от чудовищ. Пропасть глубока и камениста, но на дне ее можно заснуть вечным сном, оставаясь человеком. Прощайте все! Мина!..

Глава 5

Письмо мисс Мини Мюррей к мисс Люси Вестенра

9 мая.

Моя дорогая Люси!

Прости мне столь долгий перерыв между письмами, но я все это время работала не поднимая головы. Жизнь заместителя школьной директрисы полна забот. Мне так не хватает тебя и моря, где мы могли гулять вместе и строить наши воздушные замки. В последние дни я очень загружена – не хочу отставать от Джонатана. Каждую свободную минуту я практикуюсь в стенографии. Когда мы поженимся, я смогу приносить пользу: стану стенографировать все, что ему необходимо, а потом перепечатывать это на машинке, от которой я уже сейчас практически не отхожу. Мы с Джонатаном иногда переписываемся стенографией, а сам он ведет этим способом дневник своих заграничных путешествий. Когда я приеду к тебе, то заведу себе такой же. Я не имею в виду те чепуховые заметочки два раза в неделю с красными чернилами по воскресеньям, что практикуют некоторые барышни; это будет настоящий журнал, в который я стану помещать свои мысли и впечатления по первому зову сердца. Если он окажется стоящим внимания, я однажды покажу его Джонатану, хотя планирую делать записи скорее только для себя. Мне хочется подражать дамам-журналисткам: брать интервью, набрасывать очерки, воспроизводить по памяти диалоги. Я где-то слышала, что после небольшой тренировки человек вполне способен запомнить все, что происходило вокруг него в течение целого дня. Однако пока этого достаточно – ведь мы еще увидимся. При встрече я расскажу тебе о своих планах. Я только что получила несколько торопливых строк от Джонатана из Трансильвании. Он здоров и возвращается через неделю. Мне не терпится поскорее услышать его рассказ. Он повидал такие далекие и прекрасные земли! Интересно, увидим ли мы – я имею в виду себя и Джонатана – эти страны вместе? Ах, вот уже десять часов, звонок звенит. До свидания.

Твоя любящая Мина.

P.S. В своем письме рассказывай обо всех новостях, я уже давно о тебе ничего не слышала. Впрочем, в последнее время ходят упорные слухи о каком-то высоком кудрявом красавце!!!

Письмо Люси Вестенра Мине Мюррей

Чэтем-стрит, 17, среда.

Моя дорогая Мина,

твои обвинения в том, что я совсем тебе не пишу, несправедливы. С тех пор как мы расстались, я написала тебе *дважды*, а твое последнее письмо стало всего лишь *вторым*. А вообще-то говоря, особых новостей у меня нет, по крайней мере ничего такого, что было бы тебе интересно. Город особенно хорош в эту пору, и мы много гуляем в парке, ездим верхом и ходим в картинные галереи. Что до высокого кудрявого красавца, то это, должно быть, тот, с кем я ходила на последний концерт. У кого-то, определенно, чешется язык. Молодого человека зовут мистер Холмвуд. Он часто заходит к нам в гости, моя мама его очень любит – у них много общих интересов. Недавно мы познакомились с джентльменом, который составил бы тебе великолепную пару, не будь ты уже обручена с Джонатаном. Он неслыханно красив, богат, да к тому же из знатного рода. Он врач и очень умен. Ты только представь! Ему всего двадцать девять, а он уже попечительствует приюту для душевнобольных. После того как мистер Холмвуд представил его, он периодически к нам заглядывает. Определенно, он самый здравомыслящий и спокойный человек из всех, кого я знаю. Его спокойствие непоколебимо. Представляю, как велико его влияние на пациентов. У него есть только одна неприятная или, скорее, странная привычка: в разговоре смотреть прямо в глаза собеседнику, словно он пытается прощать его мысли. Он все время использует этот прием на мне, но я тешу себя мыслью, что ему достался крепкий орешек. Я это точно знаю, поскольку тренируюсь с зеркалом. А ты когда-нибудь пробовала прочесть мысли на собственном лице? Осмелюсь доложить, это преинтереснейшее занятие, правда, очень утомительное поначалу. Он говорит, что я стану предметом его любопытного психологического изучения, и в этом я нисколько не сомневаюсь. Как тебе известно, я не слишком-то увлечена нарядами, поэтому о свежих веяниях моды рассказать ничего не могу. Мода – это такая скучотища (ну вот, опять мой язык портится, но ты не обращаешь внимания; Артур так говорит постоянно). Это вроде бы все... Мина, мы доверяли друг другу наши секреты, когда были детьми; мы вместе ели и спали, смеялись и плакали. Сейчас я все же решилась продолжить письмо. Ох, Мина, ты уже догадалась? Я люблю его. Написав это, я покраснела. Мне кажется, он тоже любит меня, хотя об этом мы еще ни разу не говорили. Но, дорогая моя, я люблю, люблю, люблю! Мне так хорошо! Как я хочу увидеться с тобой, посидеть у костра, как прежде, помнишь? Я рассказала бы тебе все, что у меня на душе. Не понимаю, как я осмелилась написать такое даже тебе. Сейчас я боюсь остановиться, иначе письмо просто разлетится в клочья. Но я хочу довериться тебе. Напиши мне ответ *немедленно* и расскажи все, что думаешь об этом. Мина, мне пора заканчивать. До свидания. Помолись за меня на ночь, помолись о чуточке счастья для меня.

Твоя Люси.

P.S. Не стоит и говорить, что это – наш секрет. Л.

Письмо Люси Вестенра Мине Мюррей

24 мая.

Моя дорогая Мина,

спасибо, спасибо, огромное спасибо тебе за такое милое письмо! Так здорово написать тебе обо всем и в ответ услышать теплые и нежные слова.

Пришла беда – отворяй ворота. Дорогая моя, как все же правы старые пословицы. Я, которой в сентябре исполнится уже двадцать, я, ни разу в жизни не слышавшая настоящего признания в любви, сегодня получила сразу три предложения руки и сердца! *Три* в один день! Как это ужасно! Мне очень жаль, действительно очень жаль двух несчастных мужчин. Ох, Мина, я так счастлива, что сама не знаю, что теперь делать. Целых три предложения! Но ради всего святого, не рассказывай об этом никому, иначе обо мне бог знает что подумают, а всякая девушки, не получившая в одночасье шести предложений, считает себя смертельно оскорблённой. В людях столько зависти! Милая подруга, теперь мы с тобой обе обручены, очень скоро превратимся в старух, поэтому можем позволить себе презирать суэту. Однако я должна рассказать тебе обо всех трех, но смотри же, это секрет для всех, кроме тебя и, разумеется, Джонатана. Как я разболтала бы обо всем Артуру, так и ты непременно поделишься этой новостью. Женщина не должна иметь тайн от мужа, не так ли?

Итак, номер первый приехал к нам перед самым ленчом. Я рассказывала тебе о нем: это доктор Джон Сьюард, тот, что из сумасшедшего дома, с сильной челюстью и открытым лбом. Он держался очень хладнокровно и все же заметно нервничал. Скорее всего, он долго готовился к этому объяснению и держал в голове какие-то приемы, слова и правила, но при этом умудрился почти усесться на собственную шелковую шляпу, что обычно не случается с мужчинами, если те трезвы и спокойны. Видимо, чтобы чем-то занять руки, он постоянно играл ланцетом, так что я в конце чуть не взвыла. Говорил он очень прямо и открыто. Он сказал, что я ему очень дорога, несмотря на небольшой срок нашего знакомства, и что жизнь со мной в будущем принесла бы ему много радости. Он собрался уже упомянуть о том, сколь несчастлив будет в случае моего отказа, но увидел, что я плачу, поэтому решил, что не стоит больше ничего добавлять, поскольку я уже совершенно расстроена. Немного помолчав, он спросил, смогу ли я полюбить его спустя какое-то время, и когда я покачала головой, руки его затряслись, и он поинтересовался, не люблю ли я уже кого-нибудь другого. Свой вопрос он задал очень тактично, упомянув, что спросил вовсе не из любопытства, а от надежды на то, что сердце мое еще не занято и у него остается шанс. И тогда, Мина, я почувствовала себя просто обязанной сказать, что у меня есть жених. Я сказала ему только это, и он встал, сильный и хмурый, взял обе мои руки в свои ладони и заверил, что если мне когда-либо потребуется дружеское плечо, я всегда смогу на него рассчитывать. Ох, милая моя, я пишу и не могу сдержать слезы. Прости мне мою слабость и пятна на бумаге. Конечно, прекрасно, когда тебе делают предложение и всякое такое, но это так печально – видеть несчастного, который искренне тебя любит, уходящего с разбитым сердцем, и неважно, что он только что говорил, но ты навсегда покидаешь его жизнь. Дорогая, я вынуждена остановиться, так как при всем моем безграничном счастье мне сейчас очень плохо.

Вечером. Артур только что ушел, и слава Богу: теперь я могу продолжить свой рассказ. Итак, номер два явился после ленча. Это прекрасный парень, американец из Техаса, он настолько молод и чист, что с трудом верится во все приключения, выпавшие на его долю. Как я понимаю несчастную Дездемону, которой черный возлюбленный влив столь опасную отраву в уши! Мы, женщины, так слабы, что верим, будто мужчина может избавить нас от всех страхов, поэтому и выходим замуж. Я знаю теперь, что бы делала, будь я мужчиной, который

хочет, чтобы в него влюбилась девушка. А может, и не знаю. Но я забегаю вперед. Мистер Куинси П. Моррис застал меня в одиночестве. Похоже, у мужчин особое чутье. Хотя, Артур дважды пробовал найти удачный момент, и это при том, что я сама ему помогала. Кстати, мне совсем не стыдно в этом признаться. Должна заранее сказать, что мистер Моррис никогда не пользуется жаргонными словечками, по крайней мере в присутствии посторонних, поскольку он блестяще образован и безупречно воспитан. Однако он обнаружил, что мне очень смешно, когда он говорит на американском сленге, и теперь стоит мне только появиться, как он, если, конечно, поблизости нет никого, кто может упасть в обморок от услышанного, начинает болтать о всяких пустяках в весьма характерных выражениях. Не знаю, сумею ли я когда-нибудь сама заговорить на сленге. Интересно, нравится ли это Артуру? Итак, мистер Моррис сел рядом со мной, выглядя предельно счастливым и веселым, но я-то уже прекрасно разбиралась, когда человек нервничает, а когда – нет. Он сжал мои ладони и ласково заговорил:

– Мисс Люси, я знаю, что недостаточно хорош даже для того, чтобы подбивать каблучки на ваших маленьких туфлях; но сдается мне, что если вы станете ждать принца, то выйдете замуж еще ой как нескоро. Так отчего бы нам не встать бок о бок в одну упряжь да не поскакать вместе по жизни?

Юмор и веселье в нем так и клокотали, поэтому я не испытала при отказе и половины тех терзаний, что расстроили меня в случае с доктором Сьюардом. Настолько беспечно, насколько могла, я заявила, что ровным счетом ничего не смыслю в рысаках и забегах и что надежды меня еще не покинули. В ответ он промолвил, что позволил себе непростительное легкомыслие в такую решающую минуту, что раскаивается и надеется на мою милость. Говоря это, он действительно переменился и стал серьезней, и настроение его, конечно же, передалось мне. Я знаю, Мина, ты сочтешь меня жуткой кокеткой. Меня и правда переполнял восторг оттого, что он уже второй за один день. Прежде чем я успела что-либо ответить, он обрушил на меня поток самых нежных признаний, бросив к моим ногам свою душу и сердце. Он казался настолько серьезным, что теперь я уже не думаю, что вечная легкость и некоторая дурашливость красят мужчину. Должно быть, он что-то заметил в моем лице, так как неожиданно остановился и очень решительно, так по-мужски (я любила бы его даже только за это, если бы была свободна) сказал:

– Люси, вы честная и открытая девушка, я знаю это. Меня не было бы здесь, я не начал бы этого разговора, сомневайся я в том хоть на минуту. Признайтесь мне, как друг открывает душу другу: есть ли у вас кто-нибудь еще? Если да, то я больше ни словом вас не потревожу, и мы останемся, если вы согласитесь, добрыми и преданными друзьями.

Дорогая моя Мина, отчего мужчины так великодушины, что мы, женщины, порой их совсем недостойны? Ведь сначала я почти потешалась над этим огромным сердцем, над настоящим джентльменом. Ну вот, я опять рыдаю! Должно быть, ты сочтешь это письмо слишком слезливым, но теперь, как и в первый раз, мне действительно очень горько. Почему девушке нельзя выйти замуж сразу за трех мужчин, или даже за всех, кто ее любит? Но это ересь, я не должна такого говорить. Я рада признаться, что, несмотря на слезы, все же сумела взглянуть мистеру Моррису прямо в глаза и честно ему сказать:

– Да, у меня есть тот, кого я люблю, хотя он мне в любви еще не признался.

С моей стороны было очень разумно рассказать ему правду, поскольку лицо его просветило; он пожал мне руку и сердечно произнес:

– Хорошо, смелая моя девочка. Гораздо лучше опоздать с завоеванием вашего сердца, чем преуспеть с кем-нибудь другим. Не плачьте, милая моя. Если это из-за меня, то я крепкий орешек и от горя не умру. Если тот другой не знает еще своего счастья, то ему лучше поспешить, иначе придется иметь дело со мной. Милая моя, хорошая, ваша честность сделала меня вашим вечным другом, а друзья, настоящие друзья, встречаются гораздо реже, чем пылкие влюбленные. Друзья по крайней мере бескорыстны. Видно, моя судьба такова, что мне при-

дется в одиночестве пройти по жизни. Не поцелуете ли вы меня на прощание? Я стану вспоминать ваш поцелуй как неопровергимое доказательство того, что счастье существует. Вы еще можете себе это позволить: тот, другой, – замечательный молодой человек, ведь иначе вы бы его не полюбили – вам еще не признался.

Мина, это окончательно меня покорило: так смело, так любезно и благородно! Я наклонилась и поцеловала его. Он встал, посмотрел мне в глаза, в мое пылающее лицо и сказал:

– Девочка моя, я держал вас за руки, а вы меня целовали. Если это не в силах сделать нас друзьями, то на земле больше не осталось никаких средств. Спасибо за вашу откровенность. Прощайте.

Он отпустил мои руки, взял шляпу и быстро вышел из гостиной, прямо и не оглядываясь, без слез и промедлений, а я плакала, как дитя. Ох, почему же мужчины предпочитают страдать, когда вокруг столько девушек, боготворящих землю, на которую ступали их ноги? Для него я была бы готова на все, если б не моя любовь. Дорогая моя, я снова расстроилась. Не могу писать о его разбитом сердце и своем счастье одновременно. Писать о номере три, когда вокруг столько печали, тоже не хочу.

Твоя любящая Люси.

P.S. И все же номер три, хотя о нем рассказывать не стоит, ведь ты сама все знаешь. Кроме того, все прошло так быстро и скомкано: он не успел войти, как обнял и стал меня целовать. Я очень, очень счастлива. Что я такое сделала, чтобы это заслужить? Впредь мне надо постараться показать, что я очень благодарна Ему за такого любовника, мужа и друга.

До свидания. Л.

Дневник доктора Сьюарда (запись на фонографе)

25 апреля. – Аппетит пропал. Ни ужина, ни сна, остается один дневник. После вчерашнего отказа я чувствую себя опустошенным: нет в мире ничего настолько важного, чтобы я шевельнул хотя бы пальцем... В таких случаях работа – лучший лекарь, поэтому я пошел вниз к пациентам. Я нашел одного очень занятного типа для изучений. Он настолько эксцентричен в своих идеях, так не похож на прочих сумасшедших, что я намерен отнестись к нему с предельным вниманием и серьезностью. Сегодня я как никогда близко подобрался к сердцевине его тайны.

Я учинил ему самое подробное собеседование с целью выяснить, какие галлюцинации он видит. Разумеется, я понимаю, что процедура эта не лишена определенной жесткости. Сегодня я неотступно напоминал ему о болезни – обычно с пациентами я бегу от этого, как черт от ладана (интересно, при каких обстоятельствах черт от ладана не бежит?). *Omnia Romae vernalia sunt.* В аду есть свои привлекательные стороны (*verb. sap.*)! Если за моими инстинктами что-то кроется, следует внимательно их изучить...

Р. М. Ренфилд. Сангвиник. Прекрасная физическая форма. Патологически возбудим. Периодическая подавленность. Характер навязчивых идей еще не определен. Полагаю, что тип характера и внешние раздражители определяют стиль поведения: потенциально опасен, возможно влияние неэгоистичных мотивов. У эгоистов осторожность является гарантом безопасности как для врагов, так и для них самих. Я полагаю, что при зацикленности на это центростремительная сила уравновешивается силой центробежной: когда фиксируется идея долга, причины и т. п., центробежная сила выходит из-под контроля, и лишь неординарное событие или серия происшествий могут ее сбалансировать.

Письмо Куинси П. Морриса Артуру Холмвуду

25 мая.

Дорогой Арт,

мы рассказывали друг другу анекдоты у костра в прериях, перевязывали друг другу раны после неудачной попытки высадиться на Маркизские острова, пили за здоровье друг друга на берегах Титикаки. Впереди нас ждет еще множество баек, ран для перевязки и тостов за здоровье. Не присоединишься ли ты ко мне у моего костра завтра вечером? В твоем ответе я не сомневаюсь, поскольку мне доподлинно известно, что некая леди приглашена на некий ужин, а посему ты свободен. С нами будет третий, старый друг по Корее, Джек Сьюард. Он обещал приехать, и мы оба намерены смочить усы в вине и выпить за здоровье счастливейшего из всех смертных, которому досталось самое прекрасное создание на свете. Со своей стороны обещаю радушие и гостеприимство, а также самые сердечные и честные поздравления. Клянусь доставить тебя домой, если вдруг ты переберешься. Приезжай!

Твой навсегда, Куинси П. Моррис.

Телеграмма от Артура Холмвуда Куинси П. Моррису

26 мая.

ЖДИТЕ БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ТЧК ВЕЗУ ВАЖНЫЕ НОВОСТИ ТЧК
АРТ ТЧК

Глава 6

Дневник Мины Мюррей

24 июля, Уитби. – Люси встретила меня на вокзале; она выглядела такой свежей и милой, как никогда. Оттуда мы поехали сразу в Кресцент, где они снимают номера. Это действительно очаровательное место. Маленькая речка Эск протекает через всю глубокую долину, а ближе к гавани она значительно расширяется. Ее пересекает большой виадук с высокими пирсами, через которые окрестности кажутся более далекими. Долина вся утопает в яркой зелени. Стоя на возвышенности и глядя вдаль, просто невозможно не заметить, что прямо у тебя под ногами прячется такой восхитительный уголок. У всех домов в старом городе – это немного в стороне от нас – крыши из красной черепицы; они громоздятся и теснят друг друга, совсем как на открытках с видами Нюриберга. Над городом возвышаются развалины аббатства Уитби, в свое время разграбленного датчанами; глядя на него, невольно вспоминаешь «Мармион», ту сцену, где девушку живьем замуровывают в стену. Руины действительно знатные, такие большие, полные красоты и романтизма. Существует легенда, по которой в одном из этих окон люди времени от времени видят Белую Леди. Между аббатством и городом стоит еще одна церковь, наш приход, вокруг которой раскинулось большое кладбище, сплошь усеянное могильными камнями. Мне кажется, это самый красивый уголок Уитби: он лежит высоко над городом, отсюда можно увидеть полностью всю гавань, а дальше – залив и материк. Это место называется Кеттлнесс. Церковный холм так отвесно уходит вниз, что местами обвалился и некоторые могилы обрушились. Если пройти чуть подальше, то можно увидеть, как памятники торчат из песка на пляже. На самом кладбище проложены дорожки со скамейками по бокам. Люди сидят здесь целыми днями, наслаждаясь видом и морским бризом. Я тоже намерена гулять и работать в этом месте. Вот и сейчас я сижу с дневником на коленях и слушаю разговор трех стариков, расположившихся поблизости. Похоже, у них нет других занятий, кроме как собираться здесь и беседовать.

Передо мной раскинулась вся гавань. В дальнем ее конце гранитная стена уходит в море, а там, где она изгибается, высится маяк. Вдоль стены тянется массивный пирс. С другой стороны бухты пирс не такой внушительный, в конце он сворачивает в сторону берега, и на изломе тоже построен еще один маяк. Таким образом, остается лишь небольшой проход в гавань, за которым открывается необъятная водная гладь.

Здесь очень красиво во время прилива, но когда он проходит, вода почти полностью исчезает, и лишь Эск течет к морю среди песчаных насыпей. За бухтой, примерно в полуимile, виднеется высокий утес, на обрыве которого стоит южный маяк. Рядом с ним установлен бакен с колоколом, и он звонит сам по себе во время ненастья, оглашая окрестности своей печальной песней. Здесь ходит поверье о том, что если корабль сбился с курса, то в море обязательно услышат этот звон. Надо расспросить стариков об этом. Вот, кстати, один из них приближается…

Какой забавный человек! Он ужасно стар: все лицо его изрезано мелкими морщинами, точно кора на дереве. Он говорит, что ему почти сто и что в былые времена он служил матросом в Гренландской рыбакской флотилии, аккурат в те годы, когда случилась битва при Ватерлоо. Боюсь, в нем чрезмерно развит скептицизм, потому что, когда я спросила его о колоколе и о Белой Леди, он был крайне лаконичен:

– Я бы на такое не клевал, мисс. Почитай, все уже в прошлом. Однако я не говорю, что того отродясь не бывало, но в мои времена об этом уже не слыхали. Такие байки сходят с рук у приезжих и всяких там новичков, но негоже такой красивой молодой леди слушать эти

рассказни. Конечно, которые приезжают из Йорка и Лидса, трескают здесь селедку, пьют чай да ищут черный янтарь подешевле, на эти сказки падки. Никак не возьму в толк, кому охота им врать. Даже в газетах, где полно разной ерунды, такого не сыщешь.

Я подумала, что смогу узнать у него множество занятных вещей, поэтому поинтересовалась, не согласится ли он рассказать мне об охоте на китов, как это было в старину. Но не успел он начать, как часы пробили шесть, и старик куда-то заторопился.

— Ох, вот незадача, так мне уже пора домой, мисс. Моя внучкашибко серчает, если я опаздываю к чаю. Мне еще по ступенькам, будь они неладны, а утроба у меня прямо по часам урчать начинает.

Он суетливо заковылял прочь, спеша, насколько мог, вниз по холму. Холмы здесь и правда безмерно хороши. Они спускаются от церкви к городу, их здесь целые сотни, а переходы между ними такие плавные, что их легко можно преодолеть даже на лошади. Мне кажется, их происхождение должно быть как-то связано с аббатством. Пойду-ка и я домой. Люси с матерью нынче делают визиты, и так как это пустая формальность, я к ним не присоединилась. Сейчас они, наверное, уже вернулись.

1 августа. — Я пришла сюда час назад вместе с Люси, и мы замечательно поговорили с моим старым знакомым и двумя его товарищами, которые всегда сидят на этом месте. Очевидно, он сэр Оракул среди них; очень заметно, что в лучшие годы он был настоящим диктатором. Этот мистер Свейлс ни с чем не соглашается и заставляет молчать остальных. Если он не может переспорить собеседника, то становится похожим на разъяренного быка, и тогда его визави замолкает, а старик воспринимает это как согласие со своей точкой зрения. Люси выглядит просто очаровательно в белом льняном платье. Она очень посвежела и даже загорела за это время. Смешно, но я заметила, что наш знакомый никогда не упускает возможности подойти и сесть рядом с ней. Она так любезна со старшими! Мне кажется, они все влюбляются в нее с первого взгляда. И даже наш диктатор в ее обществе становится кротким, как ягненок, и ни в чем ей не прекословит. Зато потом он отыгрывается на мне. Я завела речь о поверьях, и он разразился настоящим нравоучением. Я должна вспомнить и записать все его слова:

— Все это дурацкие сказки, черт меня побери. Только сказки и ничего больше. Поди, все колдуны, привидения, домовые и так их растак — бабские сплетни, годятся токма детишек страшать. Вот уж язык без костей! Как я разумею, эти знаки да знамения выдумали попы да разные там умники, а может, и билетеры на вокзале за ради барыша, да чтоб ради хохмы попугать разных остолопов. Я аж закипаю, когда об том говорю. Врали бы себе в газетах да в церкви, ан нет, на могилки руку подняли. Вы, мисс, оглядитесь: половина камней рухнула и покосилась, а все от вранья, что на них написано: «Здесь поконится тело», «Память о нем священна». А ведь куда ни плюнь, там и тел поди никаких нету, а о душах я уж молчу, какой там «священна»! Все вранье да глупые выдумки! Вот ужо придет судный день, тогда посмотрим, как полезут к Господу покойнички да поташат за собой камни, чтобы показать, какие они распекрасные, но на небе-то, поди, все видят, все там ведомо.

Судя по его самодовольному виду, а также по блеску в глазах, когда он обвел взглядом слушателей, я поняла, что старик вошел в раж, поэтому не преминула вставить словечко:

— О, мистер Свейлс, вы не можете говорить об этом так серьезно. Ведь под каждым памятником непременно лежит гроб с телом!

— Кто его знает, может оно и так! Есть, поди, добрые люди, что глядят за могилами, как за своими, да жалеют мертвых. А все ж вы издалека, так что слушайте. Вот гляньте, видите церковный двор?

В ответ я кивнула; вопрос был ясен, в то время как остальную часть его повести скрывала пелена труднодоступного для понимания местного говора.

– Неужто вы и впрямь мыслите, что под всеми камнями лежат покойники, что преставились здесь?

Я снова кивнула.

– Вот тут-то враки и начинаются, а как же иначе? Вон гляньте туда, ближе к краю, и почитайте.

Я прошла вперед и прочла надпись на памятнике: «Эдвард Спенслаф, капитан, погиб от руки пиратов на побережье Андреса 30 апреля 1854 года». Как только я вернулась, мистер Свейлс продолжил:

– Это кто ж его, горемыку, привез домой? Погиб на побережье Андреса! Я могу назвать вам еще дюжину, чьи кости лежат в море у Гренландии или куда еще их там занесло течением. И так повсюду. Вы вашими молодыми глазками можете разобрать вранье, что вот здесь мелко выбито? Брейтуэйт Лоури – я знал его отца, – а сам он потонул у Гренландии в двадцатом. Или вот Эндрю Будхаус, потоп в том же месте в 1777; или Джон Пакстон, умер на мысе Надежды годом позже; или старый Джон Роллингс – его дед плавал со мной, – погиб в Финском заливе в пятидесятлом. Что же это все они, как завидели ангела, прямиком рванули в Уитби? Дудки! Говорю вам, что если даже кого выловили и сюда привезли, то сказать, Джон это или не Джон, точно уже никак не возможно.

Очевидно, слова эти были куинтэссенцией местных досужих разговоров, поскольку остальные согласно и дружно закивали головами.

– Но, – возразила я, – тогда здесь что-то не сходится. Вы начали с того, что в судный день всем этим бедным людям, или их душам, придется нести с собой к престолу свои могильные камни. Ведь так?

– А на что же они еще нужны? Ответьте мне, мисс!

– Чтобы утешить родственников, я полагаю.

– «Чтобы утешить родственников, я полагаю!», – сарднически усмехнулся он. – Так какое ж в том утешение, если надписи врут и все вокруг это знают?

Он указал на памятник неподалеку от нашей скамьи, который уже покосился и осел в песке на самом краю обрыва.

– Прочитайте эти строки.

Надпись располагалась под очень неудобным углом, но Люси, которая сидела ближе, наклонилась вперед и процитировала:

– «Светлая память Джорджу Кэнону, упавшему со скалы в Кеттлнессе 29 июля 1873 года. Пусть земля тебе будет пухом. Скорбящая мать». Наверное, он был единственным сыном у матери! Право же, мистер Свейлс, ничего забавного я в этом не вижу, – хмуро подытожила она.

– Ха-ха-ха! Ничего забавного! Это оттого, что вам неведомо, что за чертовой кошкой была эта «скорбящая мать». Она его ненавидела, потому как он был кривой, этак прихрамывал. А Джордж страсть как злился на мать, оттого и руки на себя наложил, чтобы та страховку за него не получила. Он держал у себя старый мушкет, чтоб гонять ворон, так тем мушкетом и снес себе полголовы. А уж потом, ясно дело, и со скалы свалился. Что до светлого воскресения, так я сам слышал, как тот говорил, что отправится прямиком в ад: коль мать его такая вся из себя праведная, то Господь уж точно приберет ее к себе, а околачиваться рядом с ней и на том свете – не велика охота. Так неужто после этого вы прочли не вранье? Али архангел Гавриил не поперхнется, когда увидит камень, что Джорджи притащил на себе как доказательство, каким расчудесным он был при жизни?

Я не знала, что ответить, а Люси тем временем попыталась сменить тему разговора, восхлинув:

– Ах, зачем вы нам это рассказали? Это моя любимая скамейка, и уходить я отсюда не желаю! А теперь мне придется постоянно вспоминать, что я сижу над могилой самоубийцы.

— Любезная моя, вам-то с того что? А может, бедный Джорджи радуется, глядя на ваши юбки да кружева? С вас, поди, не убудет! Вот я сижу здесь уже почитай лет двадцать, а все целехонький. Вам-то какая печаль с того, кто лежит рядом? А коли берега и дальше будет подмывать, так скоро здесь вообще ни камня не останется. Ох, время уже, мне пора бежать! Рад служить, леди!

Мы с Люси еще немного посидели. Нас окружала такая чарующая красота, что мы невольно взялись за руки. Она вновь рассказывала мне об Артуре и обсуждала предстоящую свадьбу. Слушая ее, я почувствовала, как сжимается мое сердце, поскольку вестей от Джонатана не было уже целый месяц.

Тем же днем. — Мне очень грустно, поэтому я здесь одна. Мне опять нет писем. Надеюсь, что с Джонатаном все в порядке. Часы только что пробили девять. По всему городу уже зажглись фонари; они то выстраиваются в ряд там, где идут улицы, то мерцают поодиночке. Поднимаясь вверх по течению Эска, они теряются где-то в конце долины, за поворотом. Слева от меня вид загораживает черная крыша большого здания, расположенного вблизи аббатства. За спиной в полях блеют овцы, а внизу по мостовой топают копытами ослики. На пирсе оркестр тихо играет вальс, а в переулке собрались добровольцы из Армии Спасения, и сверху мне слышно обе мелодии. Господи, ну где же сейчас Джонатан, вспоминает ли он обо мне? Я очень по нему тоскую.

Дневник доктора Сьюарда

5 июня. – Мой интерес к Ренфилду возрастает день ото дня по мере того, как я знакомлюсь с ним ближе. В нем преувеличенно развиты определенные качества: эгоизм, скрытность и целеустремленность. Хотелось бы мне понять, на что направлено последнее. Похоже, он вынашивает в себе какой-то план, но какого рода, я пока не знаю. Из положительных черт можно назвать любовь к животным, но порой она принимает такие неожиданные формы, что иногда я начинаю думать, что это всего лишь умело замаскированная жестокость. Его любимцы – странные твари. В настоящее время он увлечен ловлей мух. У него их уже так много, что я просто затрудняюсь определить точное количество. Как это ни странно, он, вопреки ожиданиям, очень серьезно отнесся к моим словам и безо всяких там истерик:

– Вы дадите мне три дня, чтобы я от них избавился?
– Разумеется, – отвечал я. – Считайте, что у вас они есть.
Надо за ним проследить.

18 июня. – Теперь Ренфилд всецело переключился на пауков. В своей коробке он держит несколько весьма крупных экземпляров. Пациент кормит их мухами, количество которых неизменно уменьшается.

1 июля. – Число его пауков множится, как это было раньше с мухами. Сегодня я сказал ему, что их надо убрать. Он помрачнел; тогда я пошел на уступки, разрешив избавиться только от части членистоногих. Новое мое решение вызвало у него сильную радость. Как и в первом случае, процесс шел постепенно. Вчера Ренфилд вызвал у меня приступ тошноты: огромная мясная муха влетела в комнату; он поймал ее, задумчиво рассмотрел, а затем, прежде чем я успел понять, что же будет дальше, засунул ее к себе в рот и разжевал. Я принял его бранить, но он очень спокойно отвечал, что муха была вкусной и сытной, что в ней была жизненная сила, которая теперь передалась ему. Это натолкнуло меня на смутные подозрения. Необходимо проследить за тем, как пациент станет избавляться от пауков. Несомненно, он серьезно болен. У Ренфилда есть небольшой блокнот, в котором он часто что-то царапает. Целые страницы занимают цифры, стоящие одна под другой, к сумме которых он снова прибавляет цифры из рядов, подобно аудитору при проверке отчета.

8 июля. – В его помешательстве скрыта определенная логика, и неясные мои догадки постепенно начинают приобретать четкие очертания. Скоро я все пойму, и тогда – ох уж это подсознание! Между ним и сознанием лежит пропасть. Я намеренно несколько дней не навещал пациента, чтобы заметить какой-нибудь прогресс. Однако все осталось по-старому, не считая того, что прежние любимцы исчезли и на их место пришли новые. Ренфилд исхитрился поймать воробья и даже в некоторой степени его приручить. Дрессура его проста и действенна – количество пауков заметно поубавилось. Немногих оставшихся он хорошо кормит, так как все еще ловит мух, привлекаемых его пищей.

19 июля. – Мы прогрессируем. У моего друга теперь целая стая воробьев, а мух и пауков уже почти не осталось. Как только я вошел, он подбежал ко мне и попросил об одолжении – большом, очень большом одолжении; разговаривая со мной, Ренфилд хмурился и рычал, как собака. В ответ на мой вопрос, о чем это он, тот в невыразимом экстазе произнес:

– Котенок, маленький славный котенок, чтобы я мог с ним играть, учить его и кормить – кормить – кормить!

Его просьба не стала для меня большой неожиданностью. Животные множились и жирели, а я ничего не имел против того, чтобы колония воробьев исчезла подобно мухам и паукам; поэтому я пообещал подумать о его просьбе, уточнив, нужна ли ему кошка или именно котенок. Горячность его ответа меня поразила:

– О, да, можно и кошку! Я просил вас о котенке, потому что боялся, что вы не позовите мне завести кошку. Ведь в просьбе о котенке мне бы никто не отказал, правда?

Я покачал головой и сказал, что в настоящий момент это невозможно, но будущее покажет. Лицо его при этом омрачилось, в глазах сверкнула угроза, в сочетании с озлобленностью не оставлявшая сомнений в том, что этот человек вполне способен на убийство. В нем явно развита маниакальная одержимость. Подвергнув его тестам, я узнаю больше.

22.00. – Зайдя к Ренфилду снова, я обнаружил его сидящим в углу и о чем-то думающим. Как только он меня заметил, то сразу же упал передо мной на колени и стал вымаливать разрешение завести кошку, словно от нее зависела вся его жизнь. Я твердо стоял на своем и уверял, что сейчас это невозможно. Тогда пациент совершенно молча встал и отправился на свое место, где принял грызть ногти. Завтра с утра первым делом зайду к нему.

20 июля. – Ранним утром навестил Ренфилда. Застал его проснувшимся и напевающим какой-то мотивчик. На подоконнике он раскладывал сбереженный сахар, приманивая мух и демонстративно их отлавливая. Делал больной это весьма воодушевленно. Не заметив нигде птиц, я спросил его, где они. Стоя ко мне спиной, он ответил, что те улетели. По комнате валялись перья, а на подушке засохла капля крови. Я ничего не сказал, но, выйдя в коридор, попросил дежурного немедленно докладывать мне обо всем, что он сочтет странным.

11.00. – Ко мне только что прибежал дежурный и сообщил, что Ренфилд нездоров и что его вырвало целым комом перьев.

– Я полагаю, доктор, что он съел своих птиц. Вот так взял и съел прямо живыми!

23.00. – Я дал Ренфилду дозу опия, достаточную, чтобы тот крепко заснул, а потом захватил с собой его блокнот, дабы внимательно изучить записи. Догадки мои, что не давали мне покоя, теперь подтвердились, выстроившись в настоящую теорию. Мой пациент – интереснейший тип. Придется выделить его в особый класс: живоедящий маньяк. Поглощая живую пищу, он намеревается аккумулировать в себе силы всех съеденных организмов. Одному пауку он скормил множество мух, все пауки пошли на прокорм воробьям, а затем его пернатых съела бы кошка. Что стало бы следующим шагом? Хорошо, что эксперимент так вовремя завершился. Для его продолжения потребовались бы очень веские причины. Люди глумятся над вивисекцией, но уже теперь видят перед собой ее плоды! Отчего бы не двигать науку в ее самом сложном и жизненно важном аспекте – в изучении работы мозга? Сумей я раскрыть секрет одного только пациента, проникни в сознание единственного сумасшедшего – и тогда уже наука поднялась бы на заоблачные высоты. Если б только прецедент действительно был стоящим! Надо об этом позабыть – соблазн слишком велик.

Сколь сильно предопределение человеческого поведения! Душевнобольные всегда действуют только в собственных, весьма ограниченных рамках. Интересно узнать, во сколько жизней он оценивает одного человека? Расчеты ведутся самым аккуратным образом. Сегодня сделана новая запись. Как много людей начинают день с чистой страницы!

Кажется, еще только вчера я закрыл страницу с прошлой своей жизнью и рухнувшими надеждами и сделал новую запись. И так будет продолжатьсяечно, покуда Великий Аудитор сам не подведет итог, сравнив доход и расход. Ох, Люси, Люси, я не могу на тебя сердиться, нет во мне и обиды на моего друга, чье счастье – это ты. Мне же осталась лишь пустота и работа, работа, работа!

Если б только я мог, подобно моему сумасшедшему пациенту, найти скрытую истину, чтобы полностью погрузиться в то, что жизненно важно, я был бы действительно безгранично счастлив.

Дневник Мини Мюррей

26 июля. – Я крайне взволнована, поэтому постараюсь выплеснуть все свои эмоции на этих страницах. Дневник очень похож на старого друга, которому шепотом доверяешь свои секреты и одновременно слушаешь слова утешения. Есть что-то и в стенографических символах, что делает написанное непохожим на простые душевизлияния. Сейчас я очень переживаю за Люси и Джонатана. От него давно уже не было никаких известий, но вчера славный мистер Хокинс, который всегда к нам так добр, переслал мне его письмо. Я тут же следом спросила его, знает ли он о Джонатане что-либо еще, но тот заверил, что, кроме полученного послания, ему больше ничего не известно. В письме, так меня взволновавшем, содержалась лишь одна строка, в которой сообщалось, что он выезжает из замка Дракулы домой. Все это очень не похоже на Джонатана; я не понимаю, в чем дело, и оттого волнуюсь еще сильнее. Кроме того, Люси, несмотря на то, что выглядит вполне здоровой, снова вернулась к своей старой привычке ходить во сне. По этому поводу я беседовала с ее матерью, и мы сошлись на том, что отныне на ночь я стану запирать дверь нашей комнаты. Миссис Вестенра твердо убеждена, что все лунатики во сне стремятся выйти на крышу дома или на край какого-нибудь высокого утеса, чтобы там неожиданно проснуться и с жутким криком отчаяния свалиться вниз, оглашая окрестности своим предсмертным воплем. Бедняжка, она так терзается из-за дочери! Как-то рассказывала, что отец Люси страдал той же болезнью: вставал посреди ночи, одевался и, если никто его не останавливал, уходил. Свадьба Люси намечена на осень, она уже выбирает себе платье и разрабатывает планы относительно убранства дома. Я понимаю ее нетерпение; я и сама занята сейчас тем же, вот только мы с Джонатаном решили вести скромную и умеренную жизнь, чтобы ни от кого не зависеть. Очень скоро приедет Артур Холмвуд, единственный сын лорда Годалминга; он будет здесь, как только его отец станет чувствовать себя лучше. Мне кажется, милая Люси считает минуты до его приезда. Она мечтает отвести его на нашу скамейку, что на церковном дворе, и показать ему красоты Уитби. Хочется верить, что именно ожидание выбило ее из колеи, и, как только Артур приедет, она поправится.

27 июля. – Никаких новостей о Джонатане. Неизвестно отчего, но с каждым часом беспокойство мое все больше и больше набирает силы. Господи, почему же он не напишет хотя бы строчку? Люси стала ходить во сне чаще обычного, и теперь каждую ночь я просыпаюсь, когда она встает. К счастью, погода нынче стоит очень теплая, так что она не простудится. И все жеочные хождения напрямую сказываются на моих нервах: я сама теперь начала просыпаться по поводу и без повода. Слава богу, у Люси достаточно крепкое здоровье. Когда мистера Холмвуда вызвали к внезапно заболевшему отцу в Ринг, Люси, разумеется, расстроила перспектива расставания с любимым, но это никоим образом не сказалось на ее внешнем виде. Она настоящая пышечка с прелестным розовым румянцем. Надеюсь, жизненные силы не покинут ее, несмотря на все неприятности и тревоги.

3 августа. – Прошла еще неделя, а от Джонатана ничего нет. Насколько я знаю, мистеру Хокинсу тоже ничего не известно. Ох, лишь бы он не заболел. Он должен был написать. Я снова и снова смотрю на его последнее письмо, но ничего, кроме тревоги, оно мне не внушиает. Записка совершенно не в его стиле, и все же это, несомненно, его почерк. Всю неделю Люси почти не ходила во сне, но с ней происходит что-то странное: она как-то очень напряжена, и, даже когда спит, кажется, что она следит за мной. В ее болезни я наблюдаю непонятные качественные изменения: наткнувшись на закрытую дверь, Люси теперь ищет по комнате ключ.

6 августа. – Еще три дня неизвестности. Ожидание становится невыносимым. Если бы я только знала, куда писать или ехать, мне было бы легче, однако с прихода последнего письма о Джонатане никто ничего не слышал. Мне остается лишь молить Бога о терпении. Люси возбуждена как никогда, но в остальном она вполне здорова. Прошлую ночь выдалась на редкость мрачной, и рыбаки утверждают, что приближается сильный шторм. Надо бы разузнать, по каким приметам они так решили. Сегодня все какое-то серое, солнце спряталось за тяжелыми тучами, клубящимися где-то над Кеттлнессом. Все будто выгорело или покрылось пылью, и только трава сохранила свою изумрудную зелень. Серые скалы вздымаются над серыми тучами, лишь кое-где по краям освещенными редкими лучами солнца; в серое море тянутся песчаные косы, подобные серым пальцам. Волны накатывают на берег, пеной и туманом покрывая его кромку. Горизонт теряется во мгле. Все очертания стерты, тучи похожи на скалы, а со стороны моря идет гул, неумолимый, точно оглашаемый смертный приговор. На берегу то здесь, то там что-то темнеет, и невозможно определить, люди это или деревья. Редкие рыбачьи лодки спешат в гавань. Вот идет старый мистер Свейлс. Направляется прямо в мою сторону, поднял шляпу, значит расположен поговорить.

Перемены в этом старике тронули мое сердце. Усевшись рядом со мной, он начал очень мягко:

– Мне надо вам что-то сказать, мисс.

Судя по его выражению, что-то его томило и не давало покоя. Я взяла в свои руки его морщинистую натруженную кисть и попросила выложить все начистоту. Не отнимая руки, он так и поступил.

– Мне кажется, я шокировал вас тем, что рассказывал о мертвых и всякое такое на прошлой неделе. Но я это делал не серьезно, так, шутки ради, и прошу вас помнить об этом, когда меня не станет. Мы, старики, странный народ: одной ногой стоим в могиле, но тут же потешаемся над смертью, потому как на самом деле ее боимся. А бояться тоже вроде как глупо, потому сам себя стараешься подбодрить, а получается, что глумишься. Благослови вас Господь, мисс. Я умру со спокойным сердцем, хоть все ж умирать пока не велика охота. Однако, час мой уже подошел, сто годков – это не шутка. Я так и чувствую, что Господь по мне уже соскучился. Видите, даже сейчас я не могу отделаться от своей привычки. Скоро ангел смерти протрубит надо мной. Но вы не печальтесь, хорошая моя (в эту минуту я уже плакала). Коли он прилетит этой ночью, я приму его с радостью. В конце концов, вся жизнь – это ожидание чего-то главного, потому как от смерти еще никто не убежал. Но я спокоен, ласточка моя, за мной уже послали, и ждать осталось недолго. Может статься, смертушка найдет меня здесь, когда я сижу на берегу и точу лясы. Может, она, лихоманка, летит с этим ветром, печалит сердце и душу. Послушайте, послушайте! – неожиданно воскликнул он, – этот ветер похож на смерть, он стонет, как смерть, он пахнет, как смерть. Это не ветер. Я чувствую, как она летит!

Он сбросил с себя шляпу и протянул руки к небу. Рот его двигался в какой-то беззвучной молитве. Так прошло несколько минут, после чего он встал, пожал мне руки, благословил на прощание и заспешил прочь. Я была очень взволнована и безмерно расстроена. Мимо прошел береговой охранник с подзорной трубой под мышкой, и вид его меня несколько успокоил. Он остановился рядом, как обычно, но в разговоре не сводил глаз со странного приближающегося корабля.

– Не могу разобрать, чей он. Выглядит вроде как русский, но что-то уж больно его качает. Не решили они там, что ли, куда им плыть? Наверное, заметили, что идет шторм, но не знают, идти им в открытое море на север или бросить якорь здесь. Вот взгляните! Его болтает, словно никого нет у штурвала: куда ветер дунет, туда он и плывет. Завтра мы все разузнаем.

Глава 7

Вырезка из «Дейлиграф» от 8 августа (наклеена в дневнике Мины Мюррей)

Наш корреспондент передает из Уитби:

Один из страшнейших и величайших штормов за всю историю наблюдений разразился здесь, вызвав странные и необычные последствия. Нынешние дни выдались на редкость душными, хотя температура все время оставалась в норме для этого времени года. В субботу вечером, когда ничто не предвещало бури, огромное число отдыхающих устремилось в Малгрейв-Вудс, Робин-Гудс-Бей, Риг-Милл, Рансвик, Стейтс и прочие окрестности города. Пароходы «Эмма» и «Скарборо» совершили обычные экскурсионные рейсы вдоль побережья, перевозя неслыханные доселе количества туристов, путешествующих в сторону Уитби и обратно. Погода стояла восхитительная до полудня, когда кто-то из завсегдатаев церковного двора, любящих собираться в Ист-Клиф на досуге, не привлек внимание остальных к необычным атмосферным явлениям, наблюдавшимся на северо-западе. В это время с юго-запада дул приятный ветерок, который барометр определяет как «№ 2, легкий бриз». Дежурные береговой охраны немедленно составили рапорт о мираже, в то время как один из старых рыбаков, что уже полвека следит с этой высоты за морем, в крайне экзальтированной манере предсказал внезапное приближение невиданного по силе ненастья. К тому времени в округе уже собралась внушительная толпа людей, привлеченных завораживающе красивым зрелищем лучей, преломлявшихся в мириадах облаков и придававших им самые немыслимые оттенки. Перед тем как солнце зашло за Кеттлнесс, что величественно возвышается на западе, оно успело озарить предзакатное небо самыми изысканными цветами: огненно-алым, пурпурным, розовым, зеленоватым, фиолетовым и всеми оттенками золотого. То здесь то там вверху величественно плыли колossalного размера черные тучи с очень четко выраженной линией силуэта. Несомненно, когда-нибудь мы еще насладимся полотнами, изображающими «прелюдию» великой бури, которые по достоинству займут свое место на стенах в академиях искусств и науки. Многие судовладельцы решили не рисковать и переждать шторм в бухте. Вечером ветер вовсе затих, а к полуночи установилась мертвая тишина, сопровождаемая удущливой жарой; словом, настоящее затишье перед бурей, во время которого не позавидуешь метеочувствительным людям. Над морем пару раз сверкнули молнии, осветив немногочисленные рыбацкие баркасы и экскурсионные пароходы. Единственным крупным кораблем было иностранное судно, направлявшееся на запад. Беспечность или невежество его команды стало общей темой для разговоров у досужих наблюдателей, которые время от времени даже предпринимали попытки к тому, чтобы знаками с берега указать на приближающееся ненастье. До наступления полной темноты судно продолжало свой курс с поднятыми парусами, которые бесполезно висели в установленвшемся безветрии.

Ближе к десяти часам затишье начало угнетать даже самых стойких, а в мертвом безмолвии можно было даже услышать, как за многие мили от этих мест блеют овцы и лают собаки. Однако вскоре после полуночи со стороны моря к городу подкатил какой-то глухой и настойчивый гул. Именно тогда и разразилась настоящая буря. В считанные мгновения вся картина настолько радикально переменилась, что люди отказывались верить увиденному. Волны одна за другой с диким грохотом накатывались на берег, при этом с каждой минутой их высота значительно возрастала, и вскоре еще недавно столь безмятежная гладь превратилась в ревущего монстра. Сила шторма была такова, что те волны, что не разбились о при-

брежные скалы и пирсы, легко, точно карточные домики, смели со своего пути все маяки, что окружали городскую гавань. Вихрь разносил окрест раскаты грома, а порывы его сокрушили железные крыши и валили с ног прохожих. Если бы не срочная эвакуация толпы, собравшейся на пирсах для наблюдения за величественным зрелищем, количество жертв ненастья перешло бы все мыслимые пределы. В довершение прочих бед ветер принес на берег плотный туман, который носился рваными клочьями; людям с бурной фантазией нетрудно было представить, что это души утопленников холодными и влажными пальцами, несущими смерть, хватают их за одежду. Тем не менее вскоре туман рассеялся, открыв вид на море, которое теперь освещали бесчисленные молнии. Гром гремел так сильно, что, казалось, само небо содрогается от поступи невиданной бури. Открывавшееся зрелище захватывало страшным величием и необычностью: белая пена волн подымалась высоко над утесами, кружась и исчезая где-то в черном небе. На воде ненастье швыряло те несчастные лодки, что не успели добраться до берега; их паруса рвались, а деревянная обшивка трещала и лопалась под неслыханным напором. Высоко наверху впереди носились тела птиц и обломки судов. На самой вершине Ист-Клифа в промежутках между порывами урагана береговая охрана установила аварийный маяк, ранее еще не испытанный. Пару раз он действительно сослужил добрую службу, поскольку, когда его луч нащупал в море рыбачью лодку, планшир которой уже ушел под воду, судно устремилось навстречу спасительному свету, в гавань, чудом избежав участия быть разбитым о каменные пирсы. Как только лодка укрылась в бухте, радостные крики наблюдателей на берегу мощью своей на несколько секунд перекрыли рев разъяренной стихии. Однако вскоре в лучах прожектора, на приличном расстоянии от побережья, была обнаружена неизвестная шхуна с поднятыми парусами, вероятно, та самая, которая вызвала столько толков накануне вечером. К этому времени ветер сменил направление на восточное, поэтому многие зеваки содрогнулись, осознав, в какой опасности сейчас находится это судно. Прямо по его курсу к порту лежал огромный плоский риф, явившийся в свое время причиной гибели многих кораблей, а при нынешнем шквале проход сквозь узкий перешеек в гавань становился совершенно невозможным. Близился час прилива, однако морские волны вздымались на такую высоту и с такой страшной силой, что у их основания отчетливо просматривалась песчаная отмель. Скорость, которую развило судно из-за парусов и небывалой стихии, оказалась столь молниеносной, что по словам одного из старых матросов, наблюдавших за развитием событий, «этот шхуне причалит ни где-нибудь, а только в ад». В довершение всего прочего на берег пришла новая порция тумана, гораздо более плотного, чем в прошлый раз; зрение сейчас становилось бесполезным, и только до ушей долетал неистовый рев моря и раскаты грома, мощные как никогда. Луч аварийного прожектора по-прежнему оставался зафиксированным на входе в бухту. Зрители, как один, затаили дыхание. Ветер неожиданно стал дуть с северо-востока, в считанные мгновения разгоняя непроглядный доселе туман. И тогда взору предстало настоящее чудо: иностранное судно, взираясь на волны и снова падая в их пучину, на немыслимой скорости все так же с поднятыми парусами входило прямиком в укрытие здешней бухты. Его продвижение сопровождал свет прожектора, и теперь людей сковала ужасная картина: к румпелю было привязано мертвое тело, голова которого свисла набок, а туловище раскачивалось из стороны в сторону в такт движению судна. Кроме мертвеца, на палубе не было ни души. Полный ужаса вздох пронесся над толпой, когда наблюдатели осознали, что шхуна в целости и безопасности достигла берега, управляемая лишь случайными взмахами мертввой руки. Тем не менее на дальнейшее развитие событий времени потребовалось гораздо меньше, чем нужно читателю, чтобы прощать эти строки. Все на прежней скорости корабль пересек гавань и в ее юго-восточной части с грохотом врезался в песчаный берег неподалеку от места, называемого Тейт-Хилл.

Жуткое впечатление от крушения усугубил еще один эпизод: как только корабль с треском коснулся отмели, в ту же секунду на палубу откуда-то из трюма выпрыгнула гигантских размеров собака, огромными прыжками проскаакавшая по судну и затем спрыгнувшая на берег.

Направившись к церковному двору с расположенным на нем кладбищем, она, точно демон, вскоре исчезла в темноте, которая казалась совершенно непроглядной из-за света прожектора, расположенного ближе к морю.

Так случилось, что в этот час на Тейт-Хилле никого не было: живущие по соседству люди либо уже спали, либо присоединились к основной толпе на Ист-Клифе. Таким образом, офицер береговой охраны оказался первым на борту потерпевшего аварию судна. Военные, обслуживающие запасной маяк, направили луч на место катастрофы. Человек, взобравшийся на борт, подошел к штурвалу и с криком ужаса отшатнулся назад. Это стало последней каплей, переполнившей чашу всеобщего любопытства, и огромная толпа рванулась к иностранной шхуне. Следует отметить, что, прежде чем добраться до того места, вам потребуется обогнать Вест-Клиф и Дробридж, однако ваш покорный слуга – отменный марафонец, поэтому к Тейт-Хиллу он поспел во главе толпы. И все же, приблизившись к судну, я обнаружил уже стоявший там кордон военных и полиции, перекрывших доступ на борт зевакам. Как официальному представителю прессы мне любезно позволили осмотреть палубу, поэтому я принадлежу к числу тех немногих, которым довелось наблюдать мертвеца у штурвала.

Неудивительно, что береговой офицер так эмоционально воспринял увиденное. Покойник был привязан к штурвалу в той же манере, что когда-то распяли Спасителя. Веревками служили парусные канаты, на диком по силе ветру натянувшись до такой степени, что успели до костей прорвать человеческую плоть. Был проведен тщательный осмотр места происшествия, а доктор Каффин после всех необходимых исследований составил заключение о смерти, из которого явствует, что она наступила по крайней мере двое суток назад. В карманах покойного обнаружили маленькую бутылочку, аккуратно запечатанную, в коей содержался небольшой рулон бумаг, который вскоре определили как приложение к бортовому журналу. По свидетельству осматривавшего его офицера, покойный предположительно сам привязал себя к румпелю, затянув узлы зубами. В свете случившегося в явном выигрыше оказалось Королевское адмиралтейство, поскольку первым на борт потерпевшего крушение судна поднялся офицер береговой охраны, в то время как по законодательству любому гражданскому лицу, первым обнаружившему затонувшее или разбитое судно, причитается часть корабельного груза. Тем не менее, в настоящее время, уже разгораются споры относительно принадлежности имущества, и дело дошло до того, что некоторые языки утверждают, будто закон невольно попрал, поскольку корабль все же находился в руках его владельца, пусть даже и мертвого. Теперь тело капитана сопроводили в надлежащее учреждение до опознания и запроса родственников.

Сейчас страшное ненастье уже явно идет на убыль, толпы людей направляются по домам, а заря окрашивает красным цветом небо над Йоркширом. В следующем номере газеты читайте новые подробности относительно обнаруженного судна, столь чудесным и невероятным образом очутившегося в здешней гавани.

9 августа. – Наш корреспондент из Уитби передает:

История с иностранной шхуной, прошлой ночью оказавшейся в порту Уитби в разгар небывалого по силе ненастья, имеет свое продолжение, захватывающее ничуть не меньше, чем вчерашние происшествия. Как выясняется, корабль принадлежит России, приписан к порту в Варне и называется «Дмитрий». В качестве балласта на судне использовался песок. Что касается груза, то его оказалось не так уж и много: все имущество на борту состояло из огромных ящиков, наполненных почвой. Грузополучателем указывался мистер С. Ф. Биллингтон, Крес-цент, 7, – адвокат из Уитби, который нынешним утром лично поднялся на борт и официально заявил свои права. Русский консул также проинформировал местные власти о праве его страны на судно и уплатил все таможенные сборы. Пожалуй, сегодня эти события стали единственной темой для разговоров и комментариев. Представители Торговой палаты уведомляют, что все формальности относительно инвентаризации груза были соблюдены с невиданной скрупу-

лезнстью. Из их сообщения следует, что девять дней, выделяемые законом для выявление возможных претендентов на имущество, станут, скорее всего, лишь пустым соблюдением принятой процедуры. Множество толков вызвала дальнейшая судьба собаки, которая спрыгнула на берег, как только корабль вылетел на отмель. Некоторые активисты местного отделения Армии Спасения всерьез озабочены состоянием несчастного животного. Тем не менее весьма интенсивные поиски пса до сих пор не принесли никаких результатов. Вероятнее всего, животное убежало куда-то за пределы города. Может статься, это существо было смертельно напугано и теперь все еще в ужасе скрывается где-то в окрестных болотах. Местные жители со страхом воспринимают подобное предположение, поскольку само животное вполне способно нести в себе определенную угрозу: сегодня ранним утром торговец углем, держащий лавку у Тейт-Хилла, обнаружил своего огромного мастифа мертвым на дороге. На теле собаки виднелись следы многочисленных укусов, глотка была разорвана, а внутренности валялись поодаль, выдранные мощными челюстями.

Позже. – Благодаря любезному разрешению инспектора Торговой палаты мне разрешили взглянуть на судовой журнал корабля «Дмитрий», неповрежденная часть которого охватывает промежуток примерно в три дня. Следует отметить, что ваш покорный слуга не обнаружил там ничего, достойного особого интереса, за исключением эпизода с пропавшим человеком. И тем не менее крайне любопытными оказались записи, найденные в бутылке на теле покойного капитана. Поскольку официальные лица сошлись на том, что огласка ни в коей мере не повредит этому делу, мне разрешили использовать этот своего рода дневник для репортажа, который я и привожу ниже, опуская лишь некоторые технические детали. Перед тем как вы прочтете эти строки, позволю себе небольшой личный комментарий: у меня сложилось стойкое впечатление, будто капитана преследовала своего рода мания, перед тем как он окончательно потерял рассудок, и что состояние его усугублялось день ото дня на протяжении всего путешествия. Тем не менее это всего лишь мое мнение, которое, вполне вероятно, может оказаться неверным, поскольку текст записей воспроизводится мною под диктовку переводчика Российского консульства, согласившегося помочь в этом деле.

Судовой журнал корабля «Дмитрий» (рейс из Варны в Уитби)

18 июля. – События вокруг меня разворачиваются настолько странные, что я постараюсь предельно точно воспроизводить на бумаге все, что случится с нами в пути.

6 июля мы приняли на борт весь груз: балласт и ящики с землей. В полдень подняли паруса. Свежий восточный ветер, команда из пяти человек... два помощника, кок и я сам (капитан).

11 июля на закате мы вошли в Босфор. На борт поднялись турецкие таможенные офицеры. Бакшиш. Все в порядке. В четыре пополудни отправляемся.

12 июля прошли Дарданеллы. Снова таможня, бакшиш, все в порядке. Офицеры работают быстро и слаженно. Торопятся поскорее нас отправить. Уже затемно миновали Архипелаг.

13 июля прошли мыс Матапан. Команда чем-то недовольна. Похоже, чего-то боятся, но пока молчат.

14 июля в команде прошли какие-то волнения. Я знаю их всех – это старые морские волки, с которыми я плавал не раз. Помощник о причине беспокойств ничего вразумительного доложить не смог; матросы ему лишь сказали, что на борту находится что-то, и при этом перекрестились. Потеряв всякое терпение, он ударил одного из них. Вопреки ожиданиям, тот ничего не ответил обидчику, и снова установилось затишье.

16 июля помощник подал рапорт о том, что пропал один из членов экипажа, Петровский. О причинах его исчезновения ничего не известно. Прошлой ночью на вахте его сменил Абрамов, но несчастный так и не дошел до кубрика. Люди волнуются как никогда. Они наперебой говорят, что уже ждали чего-то вроде этого, но, помимо этих слов и прежних заверений о том, что на борту что-то есть, добиться от них ничего не удалось. Помощник окончательно теряет терпение. Похоже, нас ждут неприятности.

17 июля, то есть вчера, один из членов команды, Олгарин, пришел ко мне в каюту и по-театральному драматично поделился со мной своими подозрениями о том, что на борту находится один странный человек. Он сказал, что во время его вахты тот прятался за рубкой на верхней палубе. Посреди дождя и шторма он якобы сумел его разглядеть: высокий худой мужчина, не похожий ни на одного из членов экипажа, прошел вдоль по борту, а затем исчез, несмотря на то, что все люки были задраены. Матрос явно находится под влиянием каких-то религиозных предрассудков, и я боюсь, как бы он ни начал сеять панику среди команды. Во избежание кривотолков я сегодня же самым тщательным образом исследую весь корабль от кормы до носа.

Во второй половине дня я объявил аврал и сообщил экипажу, что, коль скоро те уверены, что на борту судна находится какой-то чужак, мы сегодня же все вместе обойдем судно. Помощник в ярости: он уверен, что потакать беспочвенным страхам – значит деморализовывать людей. Он заявил, что сумеет уберечь экипаж от неприятностей с помощью своего хлыста. Я поручил ему штурвал, в то время как сам вместе с командой отправился чинить обыск. Мы не оставили без внимания ни пяди. Не считая больших ящиков, человеку на корабле спрятаться негде. По окончании поисков люди как будто успокоились и вернулись к оставленной работе. Помощник хмурится, но молчит.

22 июля. – Последние три дня стоит ненастье, вся команда брошена к парусам, на страхи не остается времени. Похоже, все уже позабыли свои опасения. Помощник снова весел. Миновали Гибралтар. Все в порядке.

24 июля. – Похоже, над судном нависло какое-то проклятие. Осталось совсем немного, непогода сопутствует нам уже в Бискайском заливе, и прошлой ночью исчезает еще один член

команды. Как и первый пропавший, он ушел с вахты, и больше его никто не видел. Людей охватила паника; они принесли мне петицию, в которой просили о выделении двух человек на вахту, поскольку теперь они боятся дежурить поодиночке. Помощник взбешен. Боюсь, худшее еще впереди, так как и он, и команда готовы к физическим действиям.

28 июля. – Четыре дня как в аду: поднялся вихрь, бушует шторм. Никто не спит. Силы на пределе. Ума не приложу, кого назначить на вахту. Состояние у всех одинаковое. Второй помощник вызвался сам, чтобы остальные могли поспать хотя бы пару часов. Ветер стихает, море по-прежнему бурное. Однако постепенно корабль становится все устойчивей.

29 июля. – Новая трагедия. Вчера вахту нес один человек, поскольку команда смертельно устала. Когда пришла утренняя смена, на палубе не нашли ни души. Подняли крик, все высывали наверх. Опять тщательный поиск, но никого не обнаружили. Экипаж в панике, спокойным остается один помощник. Договорились нести дежурство с оружием и бить тревогу при первой же опасности.

30 июля. – Последняя ночь в пути. Наконец-то мы приближаемся к Англии. Погода хорошая, все паруса подняты. Я измотан и обессилен. Меня разбудил помощник: сообщил, что вахтенный и рулевой – оба пропали. Теперь остались только мы вдвоем да еще несколько матросов.

1 августа. – Два дня стоит непроглядный туман. Надеялся, что, когда достигнем Ла-Манша, кто-нибудь заметит наши сигналы и придет на помощь. Плыvем по ветру, словно по воле какого-то злого рока. Теперь сам помощник более деморализован, чем все остальные. Похоже, он стал заложником собственного характера. Люди страха не показывают, работают терпеливо и как-то обреченно. В команде остались румыны и русские.

2 августа, в полночь. – Не спал и пяти минут, как меня разбудил громкий крик где-то за моей каютой. В тумане ничего не видно. Помчался на палубу, там наткнулся на помощника. Он говорит, что, как только услышал крик, сразу же прибежал сюда, но вахтенного не обнаружил. Еще один пропал. Господи, помоги! Помощник считает, что сейчас мы где-то в Дуврском проливе. В эту минуту туман слегка разошелся, и нашему взору предстали какие-то скалистые фьорды. Если глаза нас не подводят, то мы должны быть в Северном море. Туман обступает нас со всех сторон. Похоже, он к нам прилип, а Бог нас покинул.

3 августа. – В полночь пошел сменить рулевого, но у штурвала никого не нашел. Ветер устойчивый и крепкий, относит все звуки в сторону. Я не решился покинуть пост, поэтому криками стал звать помощника. Через минуту он выскочил на палубу в чем был, в одном белье. Взгляд у него совсем безумный; боюсь, его рассудок уже помутился. Он подошел ко мне совсем близко и хрипло зашептал на ухо, словно опасаясь, что его кто-нибудь услышит: «Оно здесь, я точно знаю. Я видел это прошлой ночью на дежурстве: похоже на мужчину, высокого и худого, белого, как привидение. Оно стояло на носу и что-то разглядывало. Я подкрался сзади и всадил в него нож, но тот не наткнулся на тело. Оно будто из воздуха». Сказав это, он вынул свой кортик и резко махнул им передо мной. Затем он продолжил: «Но оно здесь, и я его разыщу. Мне кажется, оно прячется в трюме, в этих ящиках. Я вскрою их все и найду. А вы оставайтесь здесь». Нахмутившись и прижав палец к губам, он прошел вниз. Ветер крепчал, и я не мог оставить штурвал. Вскоре помощник снова показался, таща с собой ящик с инструментами и веревку, а затем опять исчез в трюме. Он, несомненно, помешался, поэтому останавливать его бессмысленно. В конце концов, грузу он никак не навредит: он заявлен как глина, поэтому пусть себе тычет в ящики и даже их вскрывает сколько душе угодно. Таким образом, я стою здесь, держу штурвал и делаю эти записи. Остается лишь положиться на Божий промысел и ждать, когда туман рассеется. Если при таком ветре я не смогу пристать ни к какой гавани, придется рубить паруса и давать сигнал бедствия...

Сейчас уже почти все закончилось. Стоило мне понадеяться, что помощник вернется из трюма успокоившимся (я слышал, как тот с чем-то возится и стучит молотком, а физические

упражнения – лучшее лекарство в таком случае), со стороны трапа раздался леденящий кровь вопль, а затем показался и сам человек, выгляделевший так, словно его пристрелили; лицо искалено от страха, а глаза безумно врашаются.

– Помогите, помогите! – кричал он куда-то в туман. Его ужас сменило отчаяние, и он вполне спокойно и твердо обратился ко мне:

– Вам лучше пойти за мной, капитан, прежде чем станет уже слишком поздно. Он здесь. Теперь я знаю его тайну. Море укроет меня от него, а больше ничего не остается.

Не успел я произнести и слова, как он бросился за борт. Похоже, теперь и я знаю секрет. Именно этот сумасшедший один за другим избавился от всей команды, а теперь и сам последовал за своими жертвами. Боже праведный, как мне оправдаться, когда я вернусь домой? Но когда я вернусь? И вернусь ли вообще?

4 августа. – Туман все еще держится. Солнечный свет едва проникает сквозь него. Я знаю, что сейчас заря, потому что я моряк, а других объяснений своей уверенности у меня нет. Я не осмелился спуститься вниз, я не посмел оставить штурвал иостоял здесь всю ночь. Во мраке я тоже видел Его! Господи, прости нас, грешных, но помощник был прав, когда прыгнул за борт. Лучше умереть, как подобает настоящему мужчине и моряку. Но я капитан, и мне нельзя оставлять свой корабль. Но все же я обману это чудовище: как только силы начнут меня покидать, я привяжу себя к штурвалу, а с собой прихвачу то, до чего он не посмеет дотронуться, а потом будь что будет, но я спасу свою душу и честь. Опускается ночь, силы на исходе. Если Он снова посмотрит мне в глаза, у меня может не остаться времени... Когда судно потерпит крушение, возможно, кто-нибудь найдет эту бутылку и прочтет мою повесть. А если нет, то по крайней мере я останусь чист перед своей совестью. Иисус, Пресвятая Дева и все великомученики, благословите заблудшую душу в ее смертный час...

Как вы понимаете, остается все же много вопросов, и у нас нет прямых свидетельств тому, что капитан сам не убил всю свою команду. Те, кто читал эти строки, единодушно воспринимают капитана как героя, заслуживающего пышных похорон. Уже принято решение о том, что его тело на лодках доставят вверх по Эску для отпевания, а затем привезут обратно, к подножию Тейт-Хилла, откуда на руках пронесут к аббатству, чтобы похоронить на церковном дворе. Более ста владельцев лодок уже изъявили желание сопровождать похоронную процессию.

Следы таинственной собаки по-прежнему не обнаружены. Это вызывает некоторое отчаяние публики, поскольку при нынешнем всеобщем возбуждении от происшедшего магистрат готов принять пса на довольствие городской казны. Похороны состоятся завтра. Тогда будет подведена последняя черта под очередной тайной, погребенной в море.

Дневник Мины Мюррей

8 августа. – Люси провела очень беспокойную ночь, и я сама не сомкнула глаз. Шторм разразился устрашающий, ветер завывал в трубе и вызывал дрожь по всему телу. Иногда казалось, что это где-то вдалеке палят из ружей. Как ни странно, этой ночью Люси не просыпалась, хотя дважды вставала и одевалась. К счастью, я каждый раз открывала глаза вовремя, поэтому мне удавалось ее раздеть и уложить в постель, так и не разбудив. Лунатизм – очень странное явление, поскольку стоит только появиться какому-либо физическому вмешательству извне, как человек сразу просыпается, возвращаясь полностью к реальной жизни, как будто с ним ничего не происходило еще мгновение назад.

Поутру, только проснувшись, мы обе быстро оделись и отправились в порт, чтобы посмотреть, не случилось ли чего интересного за ночь. Вокруг почти никого не было, и, несмотря на ясное безоблачное небо, по морю ходили огромные мрачные волны, казавшиеся почти черными из-за белоснежной пены на гребнях. Они с ревом протискивались сквозь узкую горловину бухты, словно человек пробирается вперед через толпу. Мне отчего-то подумалось, что Джонатану очень повезло не оказаться нынешней ночью в море. Но, ох, кто же знает, на море он сейчас или на суше? Где он, как он? Тревога так и грызет меня изнутри. Если б только я знала, что мне делать, то, кажется, свернула бы горы!

10 августа. – Сегодняшние похороны чужеземного капитана оказались на редкость трогательным зрелищем. Похоже, в процессии приняли участие все местные лодки, а затем гроб несли на руках от самого Тейт-Хилла до кладбища. Я была с Люси, мы с самого утра сели на нашу скамейку и видели всю церемонию от начала до конца. Беднягу похоронили недалеко от нашего места, поэтому ничто не закрывало нам обзор. Панихида произвела на Люси очень тяжелое впечатление. Она все время металась и не знала, куда себя деть, поэтому я начинаю подозревать, что ееочные бдения не так уж безобидны. Скорее всего, она сама не понимает, что с ней происходит. А тут еще одно несчастье: этим утром на нашей скамейке нашли тело бедного мистера Свейлса с переломанной шеей. Как сказал врач, он, вероятнее всего, откинулся назад на спинку, словно чего-то испугался, да так и умер; причем люди, которые его обнаружили, уверяли, что вздрогнули, увидев его выражение лица. Бедный старик! Возможно, последнее, что он видел, действительно был ангел смерти. Люси так внимательна и чувствительна, что порой примечает вещи, мимо которых другие просто проходят. Несмотря на то что я сама очень люблю животных, расстройство мое от небольшого происшествия не идет ни в какое сравнение с тем, что испытала Люси. Дело в том, что на наше место часто приходит один мужчина, за которым всегда следует его пес. Оба они милейшие создания; я никогда не видела, чтобы этот человек сердился или даже хмурился, а собака – лаяла. Однако во время похорон животное отбежало от хозяина, остановилось в нескольких ярдах от него и принялось выть и скулить. Хозяин начал очень ласково, но вскоре заговорил с ним грубо, а потом и вовсе закричал. Поднялся невообразимый гвалт. Похоже, что псом овладело какое-то бешенство, глаза его яростно сверкали, а шерсть стояла дыбом. В конце концов хозяин потерял всякое терпение и, прыгнув вперед, ухватил собаку за ошейник, а затем подтащил к себе и швырнул в сторону памятника рядом с нашей скамейкой. Как только животное дотронулось до могилы, от приступа ярости не осталось и следа: теперь оно жалостно скулило и дрожало. Пес не пробовал убежать, он лишь припал к земле и в ужасе закатил глаза. Напрасно пыталась я его успокоить! Люси это происшествие крайне опечалило, но она не осмелилась дотронуться до собаки и лишь как-то затравленно на нее смотрела. Похоже, она слишком нежна для нашего жестокого мира. Уверена, что сегодня ночью во сне она увидит именно эту собаку. Мешанина из всех нынешних происшествий – корабль, пришедший в порт под присмотром мертвого капитана,

привязанного к штурвалу и державшего в руках четки с распятием, похоронная процессия, собака, то в ярости, то в ужасе – безусловно, скажется на ее и без того расшатанных нервах.

Мне кажется, сейчас для нее лучше всего здоровая физическая нагрузка, чтобы в постель она легла утомленной, поэтому сегодня я возьму ее на прогулку вдоль утесов, которые тянутся по берегу залива. Быть может, после этого она не станет больше ходить во сне.

Глава 8

Дневник Мины Мюррей

Тем же днем, 23.00. – Господи, как же я устала! Если б не твердое правило ежедневно делать записи в дневнике, ни за что на свете его бы не открыла. Мы изумительно прогулялись. В конце концов у Люси от мрачного настроения не осталось и следа. Я полагаю, эти перемены в ней произошли из-за коров, которые настигли нас где-то в поле и так мычали, что от ужаса мы и забыли обо всех недавних печальных происшествиях. От страха за себя мы бежали куда глаза глядят, и это нас хорошо встряхнуло. На берегу залива мы набрели на очаровательную маленькую таверну, такую старомодную, с небольшими окошками в крыше, обвитой плющом, – просто глаз не оторвать. Там мы напились крепкого чаю. Должно быть, читательницы «Новой женщины» пришли бы просто в ужас от нашего аппетита. Мужчины все же более терпимы к человеческим слабостям, благослови их Господь. Оттуда мы направились домой, сделав по дороге несколько – нет – множество привалов на отдых. Все время мы смеялись и трепетали при мысли о злобности диких быков. Люси тоже очень утомилась, поэтому мы рассчитывали упасть в кровати, как только доползем до дома. Однако в гости к нам зашел молодой викарий, и миссис Вестенра попросила его остаться с нами на ужин. Скольких же трудов стоило нам общение с пыльной кофейной мельницей! И все же из этого сражения я с честью вышла не просто победительницей, а настоящей героиней. Мне кажется, однажды все епископы Англии должны собраться вместе и как-то решить вопрос о выведении новой породы викариев, которые ни за какие коврижки не принимали бы приглашение отужинать, а, напротив, имели бы сострадание к уставшим девушкам. Люси уже спит, дыхание ее ровное. Сегодня ее щеки гораздо румянее обычного, и выглядит она совершенно очаровательно. Если мистер Холмвуд влюбился в нее, встретившись с ней в гостиной, интересно, что бы он сказал, доведись ему видеть ее сейчас. Сдается, что когда-нибудь в «Новую женщину» потекут письма читателей, в которых они станут предлагать разрешить разглядывать предмет вздохания во сне, по крайней мере перед тем, как сделать ему предложение. Однако, скорее всего, «новой» женщине этого не потребуется, поскольку в будущем она сама станет предлагать руку и сердце. И это будет прекрасно! Я так счастлива сегодня, потому что Люси заметно лучше. Я и правда начинаю верить, что кризис миновал и лунатизм уже остается позади. И если бы мне пришлось получить еще хотя бы строчку от Джонатана… Спаси и сохрани его, Господи!

11 августа, 3 часа ночи. – Я снова за дневником. Не спится, поэтому я пишу с легкостью. Для того чтобы заснуть, я слишком возбуждена. Нам выпало такое ужасное, такое страшное приключение! Как только вечером я закрыла свою тетрадь, то сразу же уснула…

Совершенно внезапно я очнулась, села в кровати, но при этом никак не могла прийти в себя от какого-то ужасного чувства страха и пустоты, которые давили на меня и окружали со всех сторон. В комнате было темно, поэтому постель Люси я не видела, и мне пришлось пробираться к ней на ощупь. На месте ее не оказалось. Я чиркнула спичкой, и в мерцающем ее пламени обнаружила, что моей подруги нигде в комнате нет. Дверь была закрыта, но не заперта. Опасаясь разбудить ее мать, которая в последнее время заметно сдала, я набросила на себя какое-то платье и отправилась на поиски. Пробираясь в темноте по дому, я внезапно поняла, что одежда, которую Люси выбирает во сне, может подсказать, куда она намерена отправиться. Если на ней халат, значит она где-то дома, а если платье, то она решила выйти на улицу. Однако оба ее платья оказались нетронутыми в комнате. «Слава Богу! – подумала я. – Люси не могла уйти далеко в одной только ночной рубашке». Я побежала вниз, но в гостиной никого не нашла.

После этого я осмотрела все незапертые комнаты в доме, несмотря на переполнявший меня страх. В конце концов так я добралась до двери в холл, которая оказалась открытой. Вообще прислуга внимательно следит за тем, чтобы на ночь дом не оставался незапертым, поэтому теперь мне с ужасом пришлось смириться с мыслью, что Люси отправилась на улицу. Времени на охрану и раздумья не оставалось, поскольку смертельный страх прибывал во мне самой с каждой секундой. Схватив первое, что попалось мне под руку, – тяжелую лопату, я выбежала во двор. Когда я мчалась по Кресценту, пробило час, а в округе не было ни души. На северной террасе, вопреки моим неистовым надеждам, фигура в длинной белой рубашке также не появлялась. С самого края Вест-Клифа я то ли с надеждой, то ли с ужасом всмотрелась вдаль, через гавань, в то место, где располагалась наша любимая скамейка.

Ярко светила полная луна, лишь изредка перекрываемая тяжело плывшими черными тучами, и тогда вся картина мгновенно менялась в причудливой игре света и тени. Несколько минут я ничего не могла различить, поскольку как раз в этот момент по небу скользила огромная туча, погрузившая во мрак не только церковь Св. Марии, но и все окрестности. Однако, как только она прошла, я достаточно четко сумела разглядеть развалины аббатства, а затем луч света, острый, словно лезвие меча, скользнул по самой церкви и кладбищу, явив передо мной в ясности всю картину. Как ни боялась я посмотреть правде в глаза, зрение меня все же не обмануло: на нашей любимой скамейке луна заливала светом прозрачную ночную рубашку моей подруги. В то же мгновение опять набежала туча, поэтому я не ручаюсь за то, что мне это не показалось; но сдается, я все же видела какую-то темную фигуру, склонившуюся над Люси. Я не уверена, был ли то человек или зверь, но времени на более тщательный осмотр места не оставалось, поэтому я стремглав бросилась вниз по обрывистым ступенькам к пирсу, а затем, через рыбный рынок, к мосту, по которому только и можно было попасть на Ист-Клиф. Казалось, весь город вымер; я не встретила ни души. Однако меня это вовсе не огорчало, поскольку меньше всего мне хотелось, чтобы в городе пошли пересуды относительно состояния бедной мисс Вестенра. Дорога казалась бесконечной, минуты еле ползли, а колени стали дрожать и дыхание сбиваться, стоило мне начать карабкаться вверх по ступеням, ведущим к аббатству. Должно быть, я бежала очень быстро, поскольку уже скоро у меня ныли не только мышцы, но даже кости. Преодолев лестницу, в густой тени я могла уже различить белую фигурку, над которой теперь совершенно точно склонилось нечто черное и длинное. Вопль ужаса вырвался из моей груди, и таинственное существо подняло голову. На фоне мертвенно-бледного лица красными углами бешено пылали глаза. На мой крик Люси не отвечала, поэтому я побежала к воротам, ведущим на церковный двор. Теперь фасад церкви скрывал от меня скамейку, поэтому на пару минут я потеряла подругу из виду. Как только я обежала здание, из-за тучи выплыла луна, залив все окрест своим печальным светом. Я сразу же увидела Люси, которая сидела, откинувшись на каменную спинку, в полном одиночестве.

Я наклонилась и обнаружила, что та все еще спит; сквозь приоткрытые губы вырывалось дыхание, не ровное, как обычно, но хриплое и прерывистое, словно легким ее не хватало воздуха. В это мгновение она неосознанно потянулась к воротнику своей ночной рубашки, раскрыла его и вздрогнула, словно от холода. Я накинула ей на плечи теплую шаль, поскольку очень боялась, что она, практически голая, подхватит на этом холоде лихорадку. Опасаясь резко ее разбудить, я заколола шаль у горла булавкой, чтобы мои руки были свободны, если той потребуется помощь. Очевидно, я сама тряслась как осенний лист, поэтому случайно ее уколола. Люси все же не проснулась и лишь только снова взялась руками за горло и тяжело простонала. Заколов шаль и надев ей на ноги мои туфли, я стала осторожно ее будить. Поначалу она ничего не чувствовала, но сон ее все же постепенно уходил, заставляя девушку стонать и задыхаться. Время шло, пора было возвращаться домой, поэтому я принялась трясти ее более настойчиво и решительно. Проснувшись, Люси нисколько не удивилась, увидев меня, так как, разумеется, не сразу поняла, где находится. Моя подруга всегда пробуждается совер-

шенно очаровательно, и даже в нынешних обстоятельствах, когда дрожь охватывала тело, а глаза ее видели себя раздетой на церковном дворе, даже теперь она не растеряла свою грациозность. Трепещущее тело прижалось ко мне. Когда я сказала, что нам поскорее нужно идти домой, она встала покорно, точно дитя. Мы пошли, галька больно ранила мне ноги, и Люси заметила, что я морщусь. Она остановилась и принялась уговаривать меня надеть туфли, но я не соглашалась. На дорожке, ведущей к церкви, мы наткнулись на огромную лужу, оставшуюся после шторма. Я тщательно вымазала в грязи свои ноги, чтобы, попадись нам случайный прохожий, никто не смог бы сказать, что я ходила по городу босая.

Однако, судьба нам благоволила, и до самого дома нам не встретилось ни души. Правда, один раз мы заметили какого-то человека, похоже, крепко выпившего, который шел прямо на нас посреди улицы. Но мы вовремя спрятались в подворотне, и он прошел, оставив после себя стойкий запах шотландского виски. Сердце выпрыгивало у меня из груди, и порой мне казалось, что еще мгновение – и я рухну без чувств. Я терзаясь из-за Люси, и не только ее здоровье внушало мне опасения; я прекрасно понимала, что придется услышать ей в свой адрес, получи сегодняшнее происшествие огласку. Когда мы вернулись домой, то первым делом вымыли ноги, вместе помолились, а затем я уложила ее в постель. Перед тем как заснуть, она попросила меня не рассказывать о случившемся ни душе, даже ее матери. Признаюсь, поначалу я колебалась, прежде чем давать такое обещание. И все же, приняв во внимание нынешнее состояние миссис Вестенра, возможные последствия ее переживаний, а также то, как скажется эта история на репутации Люси, я сочла за благо пообещать то, что она хотела. Надеюсь, я правильно поступила. Я заперла дверь на ключ, который привязала себе на запястье. Люси затихла. Высоко над морем небо окрасил рассвет...

Тем же днем, в полдень. – Все хорошо. Люси спала до тех пор, пока я ее не разбудила, и во сне она даже ни разу не перевернулась. Похоже,очные похождения никак на ней не оказались. Напротив, сегодня она выглядит свежей как никогда. Я очень расстроилась, заметив следы своей неуклюжести в обращении с булавкой. Надеюсь, ничего серьезного, но все же кожа на ее шее поранена. Должно быть, я каким-то образом защемила кожу и проколола ее насквозь, поскольку на горле остались две четкие отметины, а на рубашке запеклась капелька крови. Я расстроилась и принялась извиняться, но Люси засмеялась и потрепала меня по плечу, сказав, что сама этого ни за что не заметила. К счастью, все пройдет бесследно, поскольку ранки очень маленькие.

Тем же днем, ночью. – День прошел счастливо. Небо было ясное, солнце ярко светило, а с моря дул свежий ветерок. Мы отправились на пикник в Малгрейв-Будс, миссис Вестенра правила лошадьми, а мы с Люси шли вдоль обочины. В такой восхитительный день меня печалило только одно обстоятельство: я скучала по Джонатану. Однако, мне следует все же набраться терпения. Вечером мы бродили по городу и в каком-то кафе слушали чарующую музыку Шпора и Маккензи. Спать легли рано. Не успела Люси коснуться подушки, как сразу же заснула. Определенно, ее здоровью можно только позавидовать. Сейчас я запру дверь и привяжу ключ на прежнее место, хотя что-то мне подсказывает, что эта ночь должна пройти спокойно.

12 августа. – Мои надежды не оправдались, и я дважды просыпалась этой ночью, когда меня будила Люси, пытаясь выбраться наружу. Даже во сне она, казалось, теряла терпение, обнаружив, что дверь заперта, и возвращалась в постель с очень недовольным видом. Я проснулась на рассвете и стала слушать пение птиц за окном. Люси тоже вскоре встала; не перестаю удивляться, как ей удается с каждым днем хорошеть все больше. Вся прежняя веселость ее натурь вернулась к ней окончательно. Она побежала ко мне, уткнулась в мое плечо и расска-

зала, как счастлива она с Артуром. Я поведала ей, что меня беспокоит молчание Джонатана, и Люси принялась меня утешать. Между прочим, слова ее не прошли бесследно. Разумеется, ласка и дружба не в силах изменить факты, но все же они в силах заставить сердце с ними примириться.

13 августа. – Еще один спокойный день, а ночь, как и прежде, с ключом на руке. Я снова проснулась и застала Люси сидящей в постели и во сне указывающей на окно. Потихоньку открыв ставни, я посмотрела наружу. Лунное серебро заливало небо и море. Те плавно перетекали друг в друга и соединялись в такой невыразимой красоте, что при виде ее начинало щемить сердце. На фоне бледного светила кругами металась огромная летучая мышь. Один или два раза она подлетела совсем близко, но, заметив меня, вероятно, испугалась и направилась через бухту в сторону аббатства. Когда я отошла от окна, Люси уже лежала и тихо спала. Больше она ни разу за ночь не вставала.

14 августа. – Весь день на Ист-Клифе, читаю и пишу. Похоже, Люси, как и я, полюбила этот уголок, и теперь надо долго ее уговаривать, прежде чем она отсюда уйдет на обед, чай или ужин. Сегодня она меня удивила. Мы возвращались домой к ужину и как обычно остановились у восточного пирса, чтобы немного полюбоваться видом. Солнце уже низко опустилось и начало скрываться за Кеттлнессом. Прекрасная розоватая дымка окутывала Ист-Клиф и старое аббатство; мы молчали, охваченные этой красотой, но вдруг Люси пробормотала себе под нос:

– Опять его красные глаза! Как всегда...

Эта странная фраза, сказанная без видимого повода, буквально меня поразила. Я слегка обернулась, чтобы Люси не подумала, что я на нее уставилась, и обнаружила, что та впала в какое-то полудремотное состояние. Я молча проследила за направлением ее взгляда. Похоже, она смотрела на нашу скамью, на которой сейчас сидела одинокая темная фигура. Я и сама вздрогнула, поскольку на мгновение мне показалось, что у того человека действительно огромные глаза, горящие красным огнем, однако это впечатление тут же прошло. В окнах церкви полыхал алый закат. По мере того как солнце опускалось все ниже, отражение его скользило по стеклам, словно живое. Я заметила об этом интересном эффекте вслух. Похоже, услышав мой голос, она вернулась в чувства, но при этом оставалась какой-то необъяснимо подавленной. Кто знает, быть может, она вспоминала ту жуткую ночь, что провела здесь. Я никогда не возвращалась к этой теме, поэтому и сейчас промолчала, и мы отправились домой. У Люси разболелась голова, и она ушла спать пораньше. Я дождалась, пока она заснет, а затем захотела немного побродить на свежем воздухе. Я шла на запад вдоль утесов, думала о Джонатане, и сердце мое сладко ныло. Когда я возвращалась к дому, на небе показалась луна, светившая так ярко, что, несмотря на вечную тень в нашей части Кресцента, я отчетливо видела все до последнего камешка на мостовой. Бросив взгляд на наш этаж, я заметила Люси, которая стояла у открытого окна. Я подумала, что она меня поджидает, поэтому помахала ей платком, но подруга меня не заметила; по крайней мере, она продолжала стоять все так же неподвижно. В эту минуту луна вышла из-за угла дома и осветила наше окно. Теперь я видела, что Люси с закрытыми глазами прислонилась к подоконнику. Она, определенно, спала, а около нее виднелось что-то темное, похожее на большую птицу. Я боялась, как бы Люси не простудилась, поэтому быстро преодолела лестницу и побежала в спальню. Когда я вошла, Люси уже направлялась к постели, все еще во сне. Дыхание ее было тяжелым, а руки обхватывали горло, словно защищая его от сильного ветра. Я не стала ее будить, а только подоткнула одеяло и закрыла окно и дверь.

Она такая хорошенская, когда спит; но сегодня Люси необычно бледна, а под глазами появились темные круги. Мне это не нравится. Боюсь, что-то гложет и терзает ее. Надо непременно выяснить, что с ней происходит.

15 августа. – Сегодня встали поздно как никогда. Люси вялая и уставшая, она даже не слышала, как нас звали к столу. За завтраком ее ожидал приятный сюрприз: отец Артура поправился, и это значит, что свадьба не за горами. Люси тихо порадовалась, а мать ее выглядела взволнованной и обеспокоенной одновременно. Позже она поведала мне, в чем дело. Ее печалит то, что теперь Люси не будет принадлежать ей безраздельно, но ее радует, что дочь попадает в сильные заботливые руки. Милая, славная женщина! По секрету миссис Вестенера сказала, что уже составила посмертное завещание. Она держит это втайне от дочери, и с меня взяла строжайшее обещание никому об этом не говорить. Доктор сказал, что ей не прожить и нескольких месяцев, поскольку сердце ее очень ослабло. Любое случайное потрясение способно убить ее даже сейчас. Ох, как хорошо, что мы скрыли то жуткое ночное происшествие!

17 августа. – Не притрагивалась к дневнику целых два дня. Писать не хватало сил. Похоже, мрачные тучи надвигаются на наше безмятежное счастье. Никаких новостей от Джонатана. Люси слабеет с каждым днем, а часы ее матери уже на исходе. Мне совершенно не понятна причина недуга моей подруги. Она хорошо ест, много спит и постоянно бывает на воздухе. Но день ото дня Люси все больше бледнеет, ослабевает и утомляется. Ночами мне кажется, что она задыхается. Я всегда закрываю нашу спальню и держу ключ при себе, но она встает, ходит по комнате, а потом садится у открытого окна. Когда я проснулась прошлой ночью, то нашла ее на подоконнике. Я пробовала ее разбудить, но не смогла – Люси была в обмороке. Когда я все же привела подругу в чувства, она совершенно не могла держаться на ногах и в перерывах между длинными приступами удушья беззвучно рыдала. Когда я спросила, каким образом она оказалась у окна, та только покачала головой и расплакалась. Господи, лишь бы только Люси не слегла от того злосчастного укола булавкой! Когда она снова заснула, я осмотрела ее шею: ранки совсем не зажили, а по краям стали белыми. Они похожи на маленькие белые пятнышки с красными точками посередине. Если следы укола не пройдут через день-другой, я буду настаивать, чтобы их показали доктору.

Письмо из адвокатской конторы «Сэмюэль Ф. Биллингтон и Сын», Уитби, господам Картеру, Петерсону и К°, Лондон

17 августа.

Уважаемые господа,

нижеследущим высылаю вам транспортную накладную на груз, отправленный Северной железной дорогой, который по получении на товарной станции Кингс-Кросс необходимо немедленно доставить в Карфакс, Перфлит. В настоящее время дом пуст, но к письму мы прилагаем ключи, каждый из которых помечен.

В разрушенной части дома, на схеме помеченной буквой «А», вы найдете ящики в количестве пятидесяти штук. Ваш агент легко обнаружит это место, поскольку оно весьма примечательно – это старая домовая церковь. Груз отправляется поездом сегодня в 9.30 вечера и прибудет на Кингс-Кросс в соответствии с расписанием, в 4.30 пополудни. Клиент заинтересован в немедленной доставке, поэтому мы будем крайне признательны, если вы обеспечите присутствие рабочих на станции в указанное время и проследите за доставкой груза в самые сжатые сроки. Во избежание возможных задержек в дорожном департаменте в ваше распоряжение мы высылаем чек на 10 (десять) фунтов, о получении которого просим известить отдельно. В случае если выделенные средства превысят требуемую сумму, разницу вы можете оставить себе; если денег не хватит, мы готовы немедленно выслать столько, сколько вам понадобится. Уходя из дома, пожалуйста, оставьте ключи в главном холле, чтобы владелец смог их найти, открыв дверь дубликатом.

Просим прощения, если наша просьба показалась вам чрезмерно настойчивой. Заранее благодарны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.